

БЫКОВ В.А.

АФРИКА
ПЯТИСТРУННОГО
САМУРАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Всеволод Быков

Африка пятиструнного самурая

<https://litres.ru/65425057>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-92542-7

Аннотация

Автор книги отправляется в путешествие по Африке через Египет, Судан, Чад и Камерун, по пути отыгрывая мини-концерты и попадая в неприятности. Автор на своем пути встречает хиппи, подозрительных полицейских агентов, творческих неординарных людей, шамана Бвити, исследует местные нравы, устои и быт. Откровенный и грубый характер повествования, мощная самоирония и глубокие философские рассуждения автора заставят вас почувствовать, что вы посетили все эти удивительные африканские страны и пережили все приключения вместе с ним.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Африка пятиструнного самурая

Глава

Вступление.

Перерождений неблагих стал замечать я отголоски,
Я мир голодных духов не покинул до конца,
Я плоти женской жажду всезабвенно-скотски,
Прихоти тела – всё, что способен созерцать.

Не вижу я, чем вызваны страдания,
Боюсь вступить на путь я избавления от них,
Мой ум ведет мартышка – мать вреда, и яд
Неведенья – причина всей сансарной беготни.

Майтрея дланью путь укажет,
А я подсказок жду всё от дурманных трав,
Я на другие континенты отправляюсь даже,
Прибежище найти там и принять – самообман, ума игра.

В ловушку относительного «я» который раз уж попадаюсь,

За неизменное приняв свалку концепций, памяти и дум.
Ученью Твоему воистину нет ни конца ни краю,
Ом Мани Падме Хум! Ом Мани Падме Хум! Ом Мани
Падме Хум!

12 января.

Иду по ночному Каиру, наслаждаюсь неожиданной египетской прохладой, вдыхаю такой непривычный на вкус африканский воздух. Разглядываю дороги, домики, пальмы, машины. На ходу играю на банджо, веселю еще пребывающих в бодрствовании египтян своими заковыристыми мелодиями. Они мне машут руками и кричат: «*Hello*»! И иногда еще: «*Goodmusic*»!

Я послал всех приставучих таксистов в аэропорту куда подальше и пошел пешком по улице Эль Ороба по направлению к центру. Где-то там, километрах в двадцати – хостел «Miami Cairo Hostel», который я забронировал только на утро 13-го января. Прошел уже километров десять. Никаких признаков автобуса или другого общественного ночного транспорта. Попробовал ради интереса пару раз вписаться в еще не спящие организации, деятельность которых опознать по вывескам я не мог. В диалогах мой запас арабского быстро иссякал, и убедить пустить меня переночевать, как-то не получалось. В поисках общественного транспорта мне помог один добрый ночной сторож особняка с зарешетчатыми окнами (туда я тоже хотел вломиться). Он проводил меня

до станции метро Elathram. Было около пяти утра, и метро уже работало. Технически, уже было 13-ое января, но опишу некоторые события, как часть 12-го января, во избежание путаницы в собственной голове. И в ваших головах тоже.

Я сыграл немного музыкальных закорючек сонным и вежливым работникам метро. Потом показал им адрес хостела: 34 Talaat Harb Street. Они помогли мне купить билет, цену которого я по своей вопиющей невнимательности так и не отмониторил. Потом сотрудники метро нарисовали мне схему, как доехать: сперва надо доехать до станции Ataba, потом пересесть на этой станции на другую ветку и уже доехать до станции Sadat.

Сажу на платформе, импровизирую на банджо. Местным ментам это очень нравится. Они не говорят по-английски, но всё равно очень рады поговорить. Что-то мне без остановки говорят. Вовсю фоткаются со мной, да так, чтоб инструмент было видно. Эка невидаль! В поезде показываю немногочисленным пассажирам схему, которую мне нарисовали работники метро. Один из них едет до станции Ataba, доезжаю и выхожу с ним. Он передает меня в руки другого египтянина, чтобы тот посадил меня на нужную ветку до станции Sadat.

Метро здесь в шестом часу утра уже вовсю оживает. Не так, как в Москве, конечно. Поезда узкие, народу меньше, веток меньше, но многие люди так же, как в московском метро, пребывают в «фоновом» режиме. Выйдя со станции на улицу, я не сразу нашел нужную мне улицу и дом. Потребовалось

васлась помощь местных и приложения «Maps.me», которое никак не могло определить мое местоположение. За рестораном быстрого питания «KFC» обнаруживается искомый 34-й дом.

Поднимаюсь на второй этаж 34-го дома. Вижу дверь с вывеской «Miami Cairo Hostel». Вот я и пришел. Но до официального заезда остается еще часов пять. Прошу сонного администратора пустить меня поспать в коридор на диванчике. Пускает, без проблем, и сам падает рядом.

Я взял билет до Каира заранее, в сентябре за 8111 рублей. Летел компанией «Aegean Airlines» с пересадкой в Афинах примерно по два часа каждым самолетом и восьмью часами ожидания пересадки. У этой компании в правилах написано, что габаритные музыкальные инструменты надо сдавать в «хрупкий» багаж в твердом чехле, либо брать дополнительное место в самолете специально под инструмент. У меня, конечно же, никакого чехла не было. Банджо по одному из габаритов (по длине) не вписывалось в стандарты ручной клади, но мне все равно разрешили пронести инструмент на борт. Оно даже влезло к ним на верхнюю полку для багажа.

На пересадке в Афинах было делать особо нечего. При входе в терминалы у меня отняли воду, но я нашел бесплатный фонтанчик с питьевой водой на территории зала ожидания. Цены там были на все в евро, и чтобы занять время, я ходил и возмущался, как все дорого. Например, 10 евро за

гамбургер и 5 за кофе. Это почти за 1000 рублей так, слегка перекусить.

По пути в Афины тренировал свой арабский на соседе по креслу – студенте из Турции. Потом на пересадке нашел парня из Каира, продолжил тренировку арабского на нем. Он учился в Москве уже 4 года на IT-инженера, но я все равно, почему-то, говорил с ним по-английски. Задавал ему вопросы, на которых он немного подвисал.

– На каких пляжах отдыхают только местные египтяне? У вас есть аномальные зоны? Есть ли дырке в заборе вокруг пирамид?

Узнал несколько новых полезных фраз. Например, «обмен денег» по-арабски будет звучать, как *«хауиль фулюс»*. И, что слово «пожалуйста», в зависимости от ситуации, на арабском звучит по-разному. *«Лау́сама»* – это «пожалуйста», когда ты чего-то просишь. А «пожалуйста», когда ты чего-то даешь, это *«а́фон»*.

Я не очень хорошо поступил с родителями. Но по-другому не мог. Я не говорил им заранее про свое долгое и непредсказуемое африканское путешествие, чтобы оградить себя от постоянного мозгового штурма и пересказов телевизионных предостережений. Вся эта конспирация синтезировалась специально, чтобы не тратить время на объяснение своих целей, чтобы не убеждать, что путешествие будет безопасным. Так оно и не будет. Пусть волнуются, психуют и сходят с ума без моего участия. Так им и надо. Они сами

довели свое состояние ума до такой кондиции. В день вылета, перед тем как сесть в такси до Домодедово, я оставил матери маршрут путешествия, инструкцию на случай перевода денег по «Western Union» и инструкцию на случай моей смерти. И с фразой: «До встречи через два месяца, улетаю в Африку», – я покинул свой дом.

13 января.

По прилету я порвал верхнюю струну D. Где-то я вычитал, что провозя струнный инструмент в самолете, надо ослаблять натяжение струн, чтобы из-за перепада давления что-то плохое не случилось с колками. Когда я натягивал ослабленные струны в аэропорту Каира, одну из них перетянул, да так, что аж порвал. Руки-крюки! Пришлось вскрывать набор с запасными струнами и ставить новую. Набор был более мелкого калибра, поэтому звучание у инструмента стало немного своеобразнее.

Сейчас и инструмент и рюкзак со всякими путешественническими нужностями находились в комнате в хостеле. А я, хрустя свежими, выменянными в аэропорту египетскими фунтами, направлялся в свою первую египетскую жральню. Курс на тот момент составлял 1590 фунтов за 100 долларов. Больше менять, пока не стал. Попробовал национальное блюдо – кошеру за 17 фунтов, маленькую порцию. Эта смесь риса, макарон и чечевицы, заправленная томатным соусом, оказалась невероятно вкусной и энергетической штукой. Да-

же маленькой порцией человек стандартной худобы (65-75 кг) наедается основательно.

Мне подсказали, что до пирамид проще добраться от станции Giza. До станции Giza я доехал с пересадками, передаваемый сочувствующими арабами из рук в руки, от одного к другому. Один раз я случайно зашел в женский вагон и долго не понимал, почему вокруг одни женщины, и почему они на меня орут.

– *This is for ladies, you can't stay here!*

В автобус, идущий от станции метро до района с пирамидами, я сел тоже не самостоятельно. Появился случайный отзывчивый работник ресторана с шаурмой, как раз ехавший в свой ресторан, который рядом с пирамидами. Он поймал нужный автобус, даже оплатил мой проезд – 3,5 фунта. И даже пригласил на собеседование в свой ресторан. В шутку, конечно. Им нужны исключительно хорошенькие девушки с опытом, а не лохматые бородатые пацаны с бледной кожей.

Несмотря на, вроде как, благоприятно складывающиеся обстоятельства, на пирамиды я так и не попал. Со стороны района Гиза они закрываются уже в 16-00. В 15-50 меня уже не пустили на территорию, но зато задолбали своими верблюдами и сувенирами так, что я просто бежал от них, отмахиваясь и отплевываясь.

На обратном пути к метро со мной заговорил один египтянин, сперва показавшийся просто вежливым и общитель-

ным, но потом, как он въехал в мою пирамидальную ситуацию, как начнет мне впаривать обходной путь к пирамидам со стороны пустыни. Да и еще, гаденыш, так по-английски хорошо говорил! В общем, под вечер я уже ото всех англоговорящих египтян просто шарахался.

Купил 1 кг бананов за 10 фунтов из фруктовой тележки, стоящей прямо на тротуаре. Сначала говорили: «Один доллар»! Но я сказал «*га́ли*», что по-арабски значит – «дорого», и мне великодушно сбавили цену. Полкило раздал детям – чистильщикам обуви. Какая странная уличная работа, учитывая, что большая часть людей здесь ходит в сандалиях. Что там чистить-то?

Я вернулся в хостел. Выходить гулять по перегруженным людьми и транспортом улицам не хотелось. В хостеле никого, кроме меня и администратора, не было. У самого хостела чуть не попался на старый египетский трюк: «У меня тут магазин рядом, пойдем выпьем чайку, поговорим». Даже администратор пудрил мне мозги, когда я выяснял, каким автобусом я могу доехать до города Суэц. Называл мне астрономические суммы на автобусные билеты (300 фунтов) и настойчиво предлагал взять такси его друга (за 400 фунтов). А так же указал неправильное местоположение автобусной станции, как выяснилось потом.

Остаться в Каире не хотелось. Тут неожиданно холодно, около 15-ти градусов, пыльно, шумно, приставучие продавцы, сложный транспорт. Все равно цель моего путешествия

лежит за много тысяч километров отсюда. Завтра отправляюсь в Суэц.

14 января.

Я дошел до GoBus Station, как мне советовал администратор хостела, но автобусов в Суэц там не оказалось. Местный полицейский, не обладая знанием английского, как мог, объяснил мне, что отсюда я до города Суэц не доеду, и написал мне станцию метро, откуда я смогу сесть в автобус до Суэца. Это была станция New El-Marg.

Опять египтяне передавали меня из рук в руки, странника странных стран, пока я не добрался до станции New El-Marg. Там уже другие хорошие египтяне посадили меня в нужный микроавтобус за 21,5 фунта до самого города Суэц. А не за 300, как мне обещал администратор хостела. Около станции New El-Marg был большой продуктово-вещевой рынок и автобусная станция. Изучать местность я не стал. Я уже уехал, я уже покидал Каир и очень этому радовался. У меня было 1,5 литра питьевой воды, купленной за 5 фунтов, орешки еще с Москвы, солидные запасы времени и денег. Я был готов, так сказать, влиться в «поток». По пути до автобусной станции мне попался офис наиболее распространенного египетского интернета – «Vodafone». Но он был закрыт. И время работы было очень странным: с 11-00 до 13-30. Так что, я пока без интернета.

Суэц оказался немного поспокойней, поприятней. Я по-

шел в сторону единственного в этом городе пляжа. По дороге к пляжу заглянул в порт посмотреть на кораблики. Но оттуда меня выгнали. Со спасательной станции меня выгнали тоже. Спасатели с удовольствием послушали мои банджовые импровизации, но напроситься к ним поесть, у меня не получилось.

Городской пляж оказался платным. Сперва с меня хотели взять 50 фунтов за вход. Но я долго стебал продавца билетов фразами: «*Welcome to Egypt*», «*can I help you sir*» и «*where are you from*». В итоге он сдался и достал билеты за 25 фунтов. Клялся, что дешевле просто нет.

Купаться в мутно-синих водах Суэцкого залива было нельзя, да и не хотелось. Пляж был убогий, зонтики и лежаки кривые, песок какой-то не песочный. Народу на пляже было мало. Я разложил пенку и провалялся часа три без движения. Потом сидел и смотрел на противоположный берег Синайского полуострова. Завтра хотелось бы быть уже там. Там красиво, духи замученных Господом евреев и, должно быть, потеплее.

На предмет вписки я решил проверить здешние христианские заведения. Покидаю пляж и тут же попадаю в ловушку из местных детей. Штук десять следуют за мной и на множестве языков мира пытаются со мной заговорить. В том числе я слышу «*нихау*» и «*бонжур*». Игнорирую их. Общение с невоспитанными детьми – это потеря времени и нервов. Почему невоспитанными? «*Fuckyou*»! – не стесняясь, кри-

чат некоторые из них. «*Whatisyourname? Whereareyoufrom? Youneedsomehelp*»?— воспитанные среди них тоже есть.

Десять детей превращаются в пятьдесят. Меня окружают. Я останавливаюсь, весь такой из себя иностранец. Может я и «*needsomehelp*», но что ты можешь сделать с этим, египетский человеческий детеныш? Спрашиваю для интереса: «Где тут можно поесть бесплатно»? Дети начинают совать мне деньги. Естественно, ничего у них не беру. Одинаковые вопросы градом сыплются из невоспитанных ртов суэцких коричневых детей. Я отвечаю всем на все. Я фоткаюсь с ними. Я играю им несколько импровизационных зарисовок. И вроде бы вопрос интересного иностранца исчерпан, но нет. Дети продолжают прибывать. Вот уже их почти сто. И один из них откуда-то достал барабан. Мы проходим вдоль набережной метров пятьсот, я играю, мне подыгрывают на барабанах, а остальная сотня детей хлопает в ладоши в такт. Что происходит?

Некоторые без стеснения запрыгивают ко мне на рюкзаки, лапают меня, дергают за волосы. В их школьную программу, что, входит раздел: «Как задолбать белого человека»? За право подойти поближе ко мне некоторые начинают драться друг с другом. Разнимаю драчунов. Детей уже давно больше ста. Все хотят моего внимания. Каждая египетская козявка хочет, чтобы я ответил на все ее вопросы. Одинаковые вопросы! «*What is your name? Where are you from? Howareyou*»? Каждый гребанный детеныш хочет, чтобы

я с ним сфоткался. Внимание всем я уделить не могу.

Мне начинают кричать всякие гадости, типа: «*Fuckyouandyourmomanddad*»! Все это уже начинает утомлять. В один момент, раскидав в стороны окруживших меня детей, я бегу через три дороги, уворачиваясь от транспорта, бегу в какие-то дворы, петляю там, в итоге сбрасываю с себя большую часть детского паразитизма. Перевожу дух. Ух, египетские мелкие засранцы, не видящие в иностранце человека, а только предмет для развлечения!

Бреду вдоль обшарпанных пятиэтажек, слегка охреневший. Вдруг рядом останавливается машина, выходит обычный человек в шортах и майке. Заводит со мной, вроде как, безобидный разговор: «Кто ты? Откуда? Как дела»? Но потом просит предъявить документы. Посылаю его в задницу, ухожу. Он мне что-то кричит вслед. Тоже мне, проверяльщик-шалупоныщик.

На «Maps.me» были отмечены две церкви в шаговой доступности от набережной, но я нашел аж четыре. Правда одна не действующая, одна на реконструкции, а две другие с охраной при входе и пулеметчиками на стенах. Решил попробовать вписаться в каждой из них. В первых трех у меня смотрели паспорт, а потом выпроваживали. В последней посмотрели паспорт и сказали: «Может быть, подожди». Принесли мне чайку. Я спел военным песенку «One day» и «Аборигенка Маня», чтоб скоротать свое ожидание. Всем солдатам и ментам было очень весело. Один мент, хорошо говоря-

щий по-английски долго листал мой паспорт, задавал вопросы: «Кто? Откуда? Когда прибыл? Почему не идешь в отель? Куда дальше собираешься»? На вопрос, почему я хочу спать именно в церкви, я ответил, что церкви во всем мире могут принимать путников на ночь. И, что это интересный культурный опыт, намного интересней, чем просто пойти в отель.

Привели еще несколько ментов. Привели даже главного священника этой церкви. Он объяснил, что внутри ничего не приспособлено для сна, но я сказал, что это не проблема, и что у меня есть пенка и спальный мешок. Самый англоговорящий мент сказал, что никаких проблем, надо только съездить в участок на проверку к «большому начальнику», потом меня привезут обратно, и я смогу переночевать в церкви.

За мной приезжает полицейский фургон с сопровождением из четырех ментов. Я сажусь в него. В конуре для перевозки заключенных очень классная акустика. Едем в участок, играю своему конвою песню «Никого не осталось». Менты веселятся, снимают меня на телефон. Мне весело, ментам весело, водителю весело – всем весело.

Перед входом в участок, меня спрашивают, есть ли у меня нож, я честно отвечаю, что да. Просят на стойке при входе, предъявить нож отдельно, телефон отдельно, паспорт отдельно. Говорят – сдать вещи. Хорошо англоговорящий мент прощается и уходит. Мне указывают на открытую дверь слева от стойки при входе. Я захожу. Дверь сзади вдруг захлопывается и защелкивается. Я оглядываю комнату. В ней много

людей, многие молятся. Кто-то развалился на ковре и дремлет. Кто-то сидит на скамейке, погруженный в свои мысли. И все египтяне. Все выглядят не очень. Атмосфера напряженная. Тут я понимаю, куда я попал. Я в камере временного задержания! «*Thisispolicestation. Wait. Goouttomorrow, maximum*», – все, что мне в состоянии сказать один местных заключенных по-английски.

Какого хрена?! За что меня сюда? Могли бы сказать просто: «Нет, в церкви спать нельзя». Я бы дальше пошел, чего спектакль разыгрывать? Сижу, жду уже пять часов, абсолютно не понимая, что делать. В голове постоянно крутится мысль о том, насколько все это нелепо и, что меня точно скоро должны выпустить, я же ничего не сделал! И я белый, я иностранец!

Наконец-то меня вызывают к «большому начальнику». Два мента ведут меня на пятый этаж, по обе стороны держа за руки. Большой начальник вежливо на английском объясняет, что я задержан, потому что в церкви спать нельзя. А я ведь и не спал, только спросил! Задает мне ряд стандартных вопросов: «Кто? Откуда? Когда прибыл? Где ночевал вчера? Куда направляешься? Сколько здесь будешь? Почему ты хотел спать в церкви»? Предъявляю ему все содержимое своего рюкзака. На тубике с марганцовкой и на складном ножике большой начальник задерживает свое внимание.

– Зачем тебе нож?

– Ну, чтобы резать что-то или чистить фрукты...

– А это что такое?

– Это лекарство-антисептик, от поноса или от порезов. А что такой тип ножей тут запрещен?

– Нет, не запрещен...

Большой начальник смотрит документы, хмурится, сопит. Придаться не к чему. Говорит, что могу покинуть это место примерно через час. Радостный возвращаюсь в камеру, думаю, что ладно, пронесло, как говорится. Заключенные интересуются, что произошло, за что я здесь, и что со мной будет. Сначала пытаюсь на арабско-английском объяснить им, что хотел переночевать в церкви, попал сюда, чего делать не знаю, может быть скоро выйду. Вскоре бросаю свои лингвистические мучения и просто говорю, разведя руками: «*WelcometoEgypt*»! Юмор поняли, по камере прокатываются отрывистые смешки заключенных.

Проходит два часа. Меня вызывают на телефонный звонок ровно на один вопрос: «*Wheredoyouwork*»? Называю место работы, с которого ушел перед путешествием – «*Hipercom Service*», называю должность – менеджер, чтобы не усложнять. Через 1,5 часа меня выводят из камеры и снова ведут на пятый этаж. Большой начальник опять задает мне вопрос: «*Wheredoyouwork*»? Отвечаю все то же самое, что и по телефону. Это что за бред такой? Они меня проверяют, не заврался ли я, случаем? Потом мне сообщают, что какой-то там ответ от посольства РФ не пришел и, что мне придется провести здесь ночь. И ничего с этим сделать нельзя. В отель

нельзя, на свободу нельзя. Прошу выселить меня из общей камеры. Соглашаются. Мне дают мой рюкзак, я стелю пенку справа от входа, перед стойкой, куда я сдал паспорт и телефон. Прошу свой телефон позвонить. Не дают.

Пытаюсь спать. Меня возвращает в сознание чье-то громкое и веселое: «*Goodmorning*»! Хотя до этого «монинга» еще далеко.

– *Howareyou?*– спрашивает меня человек в гражданском.

– *Bad...*

– *Why?*

– *Because I'm here for nothing. It'sridiculous!*

Человек в гражданском пытается преподнести мне ситуацию в позитивном свете, мол, я искал бесплатную вписку на ночь и нашел. Смешно, но так и есть!

– *Whoareyou?*– интересуюсь я у «ночного шутника».

– *Well, I'm a person...*

– *Are you agent?*

– *May be...*

– *Yes, youare.*

К моменту этого разговора всех заключенных выпускают по домам, мне дают банан, воды и впихивают обратно в пустую камеру, вместе с рюкзаком. Говорят, что завтра днем уже выйду. Остаток ночи проходит, как во сне. Я иногда слышу, как за дверью менты начинают брэнчать на моем инструменте, стучу кулаками в дверь, требую, чтобы те прекратили. Сволочи, никакого уважения к чужим вещам! В туалет

тут выводят под конвоем. Это немного стрессово. Принорился ссать из окна камеры прямо на улицу! Так им, гаденышам! В такие ситуации, вот именно в такие, я еще не попадал. Буду ждать, посмотрю, чем это все закончится.

15 января.

По крикам: «Аллах акбар»!— доносящимся с мечетей, я понимаю, что наступило ранее утро, рассвет. Из окна камеры этого не видно. Оно, зарешетчатое, упирается почти прямо в стену. Жду, жду, жду. Ничего не пью, ничего не ем — нечего. Три раза просил телефон, чтобы сделать звонок в посольство, три раза мне отвечали: «*Fiveminutes*»,— только чтобы я от них отстал. Я словно в вакууме. Время течет непонятно как. Не понимаю, прошло пять минут или пятнадцать. Вкрадывается ощущение бессилия. Все, на что сейчас способен мой мозг — это фантастические сценарии диверсии: поджечь ковры, разбить стекло камеры скамейкой и убить всех ментов авторучкой.

Где-то за окном есть дороги, вкусности и море. А здесь, в камере 4 на 7 метров нет ничего, кроме замусоленных и вонючих пледов с коврами. Пытаюсь медитировать, читать мантры. Понимаю, что какой бы несправедливой ни казалась ситуация, я это заслужил. Ничто не происходит незаслуженно — закон причины и следствия. Смеюсь про себя о том, что если уже на второй день в Африке я попал в такое приключение то, что будет под конец путешествия? Чаепитие с ди-

нозаврами?

На мои вопросы о «большом начальнике» надзиратель объясняет жестами, что он еще дома и спит. В камеру приводят нового заключенного – молодого парня в нелепом спортивном костюме. Он выглядит очень напуганным, забитым. Пытаюсь с ним пообщаться. Все, что я смог выяснить – это его возраст, 23 года. А по поводу того, почему он тут оказался, его ломанного английского я так и не смог понять. Потом он добавил: «*I can't talk to you. Sit down please*». И он принялся читать Коран вслух, немного покачиваясь взад-вперед.

Мне принесли покушать две лепешки с овощной котлетой. Хотел поделиться одной из них со своим сокамерником, но тот отказался. Позже привели еще двух арестантов в наручниках на пару часов. Вскоре вывели из камеры и молодого зашуганного парня в нелепом спортивном костюме.

В середине дня меня повели к «большому начальнику», угостили бананом и в его кабинете дали поговорить по телефону с очень бестолковой теткой, хрен знает откуда. Она задавала все те же вопросы: «Кто? Откуда? Когда прибыл? Где ночевал вчера? Куда направляешься? Сколько здесь будешь? Почему ты хотел спать в церкви? Где ты работаешь? Кого ты знаешь в Египте? Зачем ты едешь потом в Судан? Есть ли у тебя в Судане друзья?»

Я уже сам слегка отупел от сидения в клетке, с трудом вменяемо формулировал свои ответы. На те же вопросы. Они, серьезно что ли, меня проверяют, не совру ли я где,

спустя время? Не шпион ли я? После этого мучительного диалога с бестолковой женщиной, «большой начальник» говорит, что через 1,5 часа я смогу выйти.

Через три часа ожидания, я уже грубо потребовал аудиенцию с их главнюком, бил дверь ногами, орал матом, потому что это уже было ни в какие ворота. За день я по нескольку раз мысленно прошел через стадии отрицания, гнева, торга, депрессии и принятия. Стены надвигались все ближе и ближе, казалось вот-вот раздавят мой мозг вдребезги. Вся моя подготовка, все мои намерения привели меня именно сюда. В этот момент. В эту секунду, в это место, когда я стою перед «большим гавнючим начальником», слушаю его и не понимаю, где он мне врет, а где говорит правду. Мне не разрешают позвонить ни родителям, ни в посольство. Телефон не отдают. Главнюк объясняет, что мое преступление очень серьезное, и что быстро этот вопрос решиться не может.

Спрашиваю: «От меня вам чего надо? Почему я все еще здесь? Что я могу сделать, чтобы выйти, наконец, отсюда»? Главнюк отвечает, что лично от него ничего не зависит. Он просто сидит и ждет команды «сверху», чтобы выпустить меня. Потом добавляет, что если я буду вести себя шумно и грубо разговаривать с охранниками, то он переведет меня в настоящую тюрьму. Еще одну ночь мне придется провести здесь.

Я в камере снова один. У меня все еще 1481 египетских фунтов. Придумываю способ связи с посольством – через

англоговорящего, не тупого сокамерника. Дам ему денег, записку с просьбой о помощи, адрес посольства, попрошу его туда съездить и буду ждать, пока сотрудники посольства РФ ворвутся в эту богадельню на крыльях справедливости.

Ночью в участке часто раздаются душераздирающие крики. Наверно тут система допросов не ограничивается повторением одних и тех же вопросов спустя определенные промежутки времени. Судя по крикам, тут еще и раскаленную кочергу пихают в задницу.

Унитаз в участке странный. В него вделан фонтанчик. То есть ты какаешь, а тебе сразу подмывает и очко и шары. Удивительные египтяне!

16 января.

Примерно в пять утра, меня будят, жестами показывают, чтобы я собирал манатки и выходил. Мне возвращают банджи, телефон и паспорт. На мои вопросы по поводу ножа мне ничего не отвечают. Меня сажают в полицейскую машину в конуру для заключенных, везут в другой полицейский участок. Там веселый, усатый, англоговорящий начальник говорит, что я свободен. И, что я должен подписать документ о том, что я предупрежден о запрете приближаться к любым охраняемым объектам. И что мой нож конфискован. Я жду, пока этот козел выведет свои арабские закорючки. Подписываю, ухожу.

Меня занесло далеко в южную часть города. Иду по пред-

рассветным улицам Суэца, наслаждаюсь свободой, утренней прохладой, запахами свежего хлеба. Как раз, покупаю за 1 фунт только что испеченную лепешку, ароматную и вкусную. Ем с удовольствием.

Первые попытки египетского автостопа в черте города были скромные и нелепые.

Сперва поймал пустой микроавтобус, и просьба: «*Му́м-кен мустокім*»? (можно прямо?) – переместила меня примерно на два километра вперед по дороге. Потом я поймал мотоцикл с тремя колесами, открытым сельскохозяйственным багажником и ребенком внутри него. Транспорт оказался деньгоспросным, но не сильно. Ребенок мотоколясочного водителя отсчитал у меня 15 фунтов за полчаса неудержимого веселья и тряски. Было действительно весело: ветер в харю, попа в шишках, бросает из одного угла багажника в другой. Я еще умудрялся в это время чего-то играть к радости ребенка, ехавшего со мной. Он с удовольствием меня слушал и снимал на телефон.

За пару километров до предполагаемой переправы меня высадили и пересадили на автобус за 2 фунта. На нем я уже за 7 минут доехал до переправы на Синайский полуостров. Пассажиры автобуса указали, в какую сторону идти на переправу. На подходе к ней меня встретили военные, проверили документы, назадавали кучу стандартных вопросов. Потом сказали, что на полуостров пешком идти нельзя, надо быть в каком-нибудь транспорте. Пообещали поймать мне

какой-нибудь рейсовый автобус и впихнуть меня в него.

Сию на их посту, они мне показывают свежие фотографии монастыря Катрин. Всё в снегу. Вот это да! Играю им песни «Аборигенка Маня» и «Зомбиалкобухалипсис». Они очень довольны, снимают мое творчество на свои телефоны. Некоторые хорошо говорят по-английски. Один из солдат предлагает мне поменяться ботинками во имя любви. Я тоже, как и он, в облегченных берцах, но у меня размер 40, а у него, судя по всему, 45. Когда тот сталкивается с этим разноразмерным фактом, «во имя любви» меняться ботинками уже не хочет. Хвастается, что он чемпион по боксу, что у него черный пояс по каратэ, что сам изучает кунг-фу на досуге. Веселые, в общем, ребята.

Поймали мне дорогуший автобус, идущий до Шарм-ель-Шейха. Тариф фиксированный – 200 фунтов, даже если едешь не до конечной. Я не сильно думал, отдал 200 фунтов и сел, попросив водителя высадить меня на повороте на Катрин. Ура! Здравствуй Синай! Мы едем через туннель, а потом еще какое-то время между горных образований. Залива чего-то пока не видно.

Вскоре водитель высаживает меня, говорит, что сейчас мой поворот. Так быстро? Странно! Нет, поворот не мой. Это поворот на Табу. Когда я это понял, мой автобус был уже далеко. Как я сразу не догадался, что почти 200 километров за 15 минут никак автобусом не преодолеть?! Мда, выкинул, практически, тысячу рублей!

Минут пятнадцать стою в ожидании попутной машины. Останавливается небольшой грузовичок. Говорю водителю: «*Мўмкен мустоки́м маджанан*»? Водитель улыбается и кивает. Прямо и бесплатно с ним ехать можно. Объясняю водителю, что направляюсь на территорию монастыря Катрин. Водитель немного понимает по-английски, говорит, что едет в Шарм-ель-Шейх и без проблем меня подбросит до поворота на Катрин.

Синайский полуостров оказывается переполненным ментовскими постами. Практически, каждые 15 километров есть пост. На каждом посту у меня проверяли документы, задавали вопросы. Стандартные вопросы: «Кто? Откуда? Куда? Зачем? На сколько»? На одном из постов после разговора с полицией водитель вдруг грустнеет, меняется в лице, нервничает. Потом предлагает остановиться поесть фуля. Я, ясное дело, с радостью соглашаюсь.

Останавливаемся в много-мукном придорожном кафе, самого фуля приносят маленькую мисочку, зато к нему гору хлеба, салатов, омлетов, жареной картошки, котлет из смеси бобовых, фаршированных баклажанов. За едой водитель объяснил, что менты его наругали за то, что он меня подобрал, чтобы подвезти. Оказывается, говорит, нельзя египтянам подбирать иностранцев на дороге. Я обжираюсь так, что приходится расстегнуть ремень на портках. Спрашиваю: «*Кам фулюс*»? – то есть узнаю, сколько я должен заплатить. Водитель говорит, что нисколько, он угощает.

По пути водитель хвастается, что у него есть евро и доллары, демонстрирует мне купюры. Я своими не хвастаюсь. Справа от дороги красуется море. Ну не море, а залив. Соленый Суэцкий залив. Вода восхищает своим чистейшим бирюзово-синим оттенком, настолько естественным, что берега из перекопанного песка, редких кустиков и раскиданных камней кажутся приделанными наспех ландшафтным дизайнером-недоучкой. Но, все-таки море ассоциируется с некой бесконечностью воды, огромностью. Тут же виден другой берег. Почти всюду ведется стройка отелей, курортов. Берег во многих местах огорожен под стройку. Но иногда попадаются и нетронутые участки. На нетронутых стройкой участках берега часто стоят военные форты. Проглядываемость с них очень хорошая – на несколько километров, растительности-то нет. Так что ставить палатку здесь или нет, хрен знает. Учитывая, что это в принципе в Египте запрещено законом.

На повороте к монастырю Катрин, конечно же, был ментовской пост. Мы весело попрощались с водителем, но менты сказали ему пару ласковых по поводу подвоза иностранцев, и он опять приуныл. Главный англоговорящий мент на посту после проверки документов и стандартного набора вопросов сказал, что мне не надо беспокоиться о моем автостопе. Говорит, что они сами поймают мне машину до Катрин.

Приносят мне попить чайку. Жду, общаюсь с веселыми военными. Самый молодой из них, почти не говорящий по-английски, спрашивает меня: «*Youstrong*»? – и показыва-

ет мне боксерскую двоечку. Я в ответ показываю кусок комплекса обезьяны из ушу и тайскую связку из пяти ударов. Он, как может, выражает мне солидный респект на арабском языке. Жестами спрашиваю его, любит ли он стрелять. Он мне на арабском отвечает, что да, просто обожает. По-арабски особо этим ребятам мне сказать нечего: *«Ана са́эх мен Ру́сия, а́на тахэ́бту и́лля Муса́ Джаба́ль. Ана бехэ́ир, Аль-Ха́мду ли-Лля́х»*. Что значит: «Я турист из России, я иду на гору Моисея. Я в порядке, слава Богу». Такой вот у меня скромный запас арабского.

Топчусь на одном месте, наслаждаюсь вечерним солнышком, заряжаю телефон в постовой розетке. Так проходит часа два.

– *Ма́фи сая́ра?*

– *Ма́фи сая́ра*, – подтверждает мне полицейский, что машины до моего места назначения пока нет.

Спустя еще минут тридцать меня наконец-то подсаживают в машину, где сидят уже целых два подозрительных араба. Один рыночно-разнорабочего типа, у другого очень страшные и злые глаза. О деньгах ни слова. Интересно, чем закончится поездка с ними? Они со мной не говорят. Почти каждые 10 км по дороге на Катрин есть пост. Везде проверяют документы, задают стандартный набор вопросов. Пост и вопросы. Пост и вопросы.

Меня высаживают уже на последнем повороте перед самой территорией поселка. Я достиг территории монасты-

ря Катрин! Машина оказалась бесплатной. Водитель даже угощал меня разноцветными разнокалиберными семечками. Тут уже действительно прохладно, градусов десять или меньше. Полицейский на посту говорит, что уже несколько километров осталось. Сейчас поймают мне машину уже до самого поселка. Он на посту главный и хорошо говорит по-английски. Мечтает выучить русский язык. Для начала учу его спрашивать имя и узнавать, как у человека дела. Но, что интересно, мент в гражданской одежде. А на поясе висит пистолет. Спрашиваю, почему так?

– А я, – говорит он, – местный секретный агент, как Джеймс Бонд.

Вскоре меня вписывают в очередную бесплатную машину, она везет меня прямиком в «Fox Camp». Говорят, что здесь недорого можно переночевать. Еще не понимаю, куда я попал. Вокруг множество маленьких каменных домиков. Около одного из ближайших вижу европейского человека. Подхожу, автоматически начинаю говорить с ним на русском языке. Сам не знаю почему. На удивление, он отвечает мне тоже на русском. Его зовут Сауль, и он оказывается из Литвы. Поэтому он и может говорить по-русски. С ним его эстонская подруга Ингрид и больная мама.

Сауль угощает меня бедуинским овощным супом. За скоротечной трапезой с Саулем и Ингрид пытаюсь выяснить обстановку, но они ничего не знают. Они сами только что прибыли. Нахожу местного распорядителя – бедуина по имени

Хамди, выясняю, что почем. В итоге беру комнату на двое суток по 100 фунтов за сутки. Обеды оплачиваются отдельно.

Тут реально холодно! На территории есть кухня, столовая, души, туалеты, домики для сна и общий теплый домик для общения и курения. Встречаю много прикольных иностранных людей здесь – и с Калифорнии, и с Болгарии, и с Англии. Выясняю горно-культурную обстановку. Говорят, что на горы самостоятельно ходить нельзя – бедуины не пустят. Надо брать проводника, по проводникам может подсказать Хамди. Горы и монастырь – это самые посещаемые места здесь.

Знакомлюсь с Паулем из Манчестера. Он лет сорока, прикольный, с запутанной бородой, в шапке-ушанке, штанах-алладинках, с детскими выпученными глазами. Говорит много, немного нескладно. Выдал мне сразу сногсшибательную идею о том, что Божьи знамения начались с еще динозавров. Были травоядные, которые жили себе, щипали листву и никому ничего плохого не делали. А были и мясоядные динозавры, которые убивали травоядных и ели их. И именно еще с тех времен, эта «двойственность», эта разбалансировка мира, – это, говорит, все от дьявола.

Место основной тусовки в «Fox Camp» очень уютное. Люди располагаются вокруг очага посередине, общаются, кушают. Сидя в этом теплом общительно-курительном домике, я, наконец, понимаю, почему он курительный. Симпатичная израильская девушка, сидящая слева, передает мне странно-

го вида сигарету. Я затягиваюсь, узнаю этот несравненный вкус, и мне дико начинает драть горло.

— *It's not a regular cigarette, right?*

— *It's marijuana*, — отвечает мне Пауль из Манчестера.

Кто-то начинает играть на джембе. Теперь я точно понимаю, куда я попал. Это самый настоящий лагерь хиппи! Такого я не ожидал! Даже не планировал! По Египту я составил маршрут, по большому счету от балды, лишь бы вовремя попасть в Асуане на паром в Вади-Халфу. Но тут такое! А я ведь сегодня проснулся в камере временного задержания!

Пауль скуривает мне еще два косяка отборной, сногшибательной Марии Ивановны. Я беру банджо, играю им песни «One day», «Аборигенка Маня», «Никого не осталось». Мне подыгрывают барабанами, что-то даже подпевают. На финальном проигрыше в песне «Никого не осталось» бедуины и другие хиппи начинают петь что-то свое и это превращается в десятиминутную коллективную прокуренную импровизацию на двух блатных банджовых аккордах. Получается очень круто, душевно, качает. Но накуренным играть и петь очень сложно — руки дрожат и потеют.

Симпатичная израильянка просит меня дать ей попробовать побренчать на банджо. У нее с ходу получается охренительная восточная арабская мелодия. Она говорит, что умеет играть на скрипке. Слежу за ее гибкими и точными пальцами. Смотрю на ее милое лицо, коричнево-шоколадную кожу, большую попу. Все, я влюбился.

Знакомлюсь бывшим местным гидом, проработавшим тут 15 лет. Узнаю подробности горы Моисея. На вершине минусовая температура. Может не повезти с созерцанием рассвета, если облака будут низко. Можно запросто скрючиться на полпути от «горняшки», можно арендовать верблюда. Чтобы придти к рассвету на вершину горы Моисея, отсюда нужно выходить в 2 часа ночи.

Договариваюсь с литовцем Саулем завтра с ним, его женщиной и его больной мамой пойти на разведку в монастырь Катрин. Часов на 11 утра. Пауль из Манчестера вкуривает в себя косяк за косяком, говорить с ним становится невозможно. Он говорит много, быстро и непонятно про библию и конец света, совершенно не ведя никакого диалога.

Хамди, главный администратор, тоже основательно накуранный, щедро разбрасывается жизненными мудростями:

—Everybody needs some body. Why? Because it's cold!

—Life is like a taxi. People come, people go.

—Ask for «щай», don't be shy.

На часах всего 10 вечера, а я уже отключаюсь. День был слишком долгий и насыщенный. Несмотря на холод, решаюсь принять холодный душ. Но в душе вода только кипяток, а в раковине только холодная. Мне это кажется невероятно смешным, почти до истерики. Стою минут пятнадцать, кручу краники и смеюсь.

В комнате околонулевая температура, отопления никакого, но зато есть четыре одеяла. Залезаю в спальный мешок,

сооружаю микроклимат из четырех одеял вокруг себя. Вроде нормально, вроде не помру. Главное – побольше надышать. Перед сном вспоминаю, что когда я покидал Утриш, один из тамошних хиппарей сказал мне: «Ты можешь уехать из лагеря хиппи. Но лагерь хиппи теперь уже никогда не уедет из тебя». Надо же, какой абсолютной правдой оказались напутственные слова того прекрасного дредастого человека.

17 января.

Я попросил у Хамди, что-то типа завтрака, он принес мне фуль, сыр и хлеб – завтрак за 45 фунтов. Пауль из Манчестера предложил мне покурить марихуаны. Прямо с самого утра обдолбаться, да, – отличная идея! Я отказался. Тогда он попросил 20 фунтов. Дал ему 50, меньше не было. Боялся прослыть тут жадиной.

Встретились в 11-00, как и договаривались, с Саулем, его эстонской подругой Ингрид и его больного мамой. Ингрид сказала странную вещь: «Сауль – это мой Иисус, мой учитель, я везде следую за ним». Хорошо, что она говорит по-русски. Даже такие странные вещи. Мама Сауля сидела в инвалидной коляске, была не самостоятельная и немного не в своем уме.

Идем, не торопясь, окруженные исполинами гор, свежайший воздух обжигает изнутри прохладой, солнце только-только начинает подогревать эти уединенные бедуинские земли. По пути к монастырю проходим несколько ментов-

ских постов. На одном из последних смотрят наши документы, записывают нас в свои тетради. При входе на территорию монастыря стоят палатки с сувенирами, одеждой, книгами. Сауль соглашается на предложение продавца попить чайку.

– Сауль, осторожно! – говорю ему я, – это старый египетский трюк! Под видом обычного чаепития они продадут тебе все, что у них есть!

– Спасибо за беспокойство, Сева. Я понял, – отвечает мне с гиперболизированной балтийской уверенностью Сауль.

Он берет в магазине книгу про монастырь и сидит читает интересные выдержки из нее своей маме. Мы сидим с Ингрид непосредственно за прилавком с сувенирами-камешками, пьем чаек, пытаемся по-приколу продать камешки загулявшимися туристам.

– *Welcome to Egypt! Come on! Stones from the Moon! Come on!*

Наши нечленораздельные крики, плюс хрюкающий смех Ингрид только отпугивают покупателей. Решаем сменить концепцию с лунных камней на камни с Вавилонской башни. Раз уж тут гора Моисея, может библейский сюжет в продаже камушков сработает лучше?

– *Welcome to Egypt! Come on! Stones from the Babylon tower! Come on! Where are you from sir? Special price for you!*

Библейский сюжет в продаже камушков тоже не работает. Мы распугиваем абсолютно всех покупателей. Настоящие продавцы скоро нас, наверное, выгонят. Ингрид пыта-

ется подключить к нашему нелепому юмористическому действию Сауля:

– Молодой человек, это вам не библиотека! Чего расселись и читаете? Либо берите книгу, либо уходите!

Мы замечаем наших вчерашних знакомых из «Fox Camp», задействуем все наши человеческие ресурсы мозга, чтобы что-нибудь впарить им:

– *Welcome to Egypt! Come on! Stones from the Moon! Come on! Stones from the Babylon tower! Come on! Dragon balls! Come on! Where are you from lady? Special price for you!*

Наши знакомые юмор оценили, но ничего не взяли. Потом настоящий продавец показал нам мастер-класс по продажам. Он сидел, молча, люди подходили, смотрели. Он просто называл цены и объяснял, к какому типу камня принадлежит заинтересовавший потенциального покупателя камень. За пять минут он легко продал целый один камушек!

В соседней палатке я купил шерстяные носки за 40 фунтов, с трудом выторговав 10 фунтов от цены. И мы двинули в монастырь Катрин. Ингрид по дороге к зданию монастыря мне рассказывала всякое необычное о себе. Рассказала, что с самого детства она экстрасенс, что может говорить с мертвыми родственниками, что чувствует вибрации людей, а Сауль ее усиливает. Говорит, что здесь совершенно другие вибрации, у этого места и у людей в «Fox Camp». Я и сам что-то аналогичное чувствую. Только немного в других терминах. Тут другое информационное поле. Голова пустая, мыс-

лей нет, тело полно сил, и кажется, что никакой предыдущей жизни у тебя и не было. Как будто все время был здесь, с самого начала.

У Ингрид был очень смешной эстонский акцент. Абсолютно такой же, каким мы его изображаем в олд-скульных анекдотах про эстонцев или с их участием. Попробуйте сейчас вслух поговорить с намеренно утрированным эстонским акцентом, и вы поймете, какое удовольствие я получал, ведя диалог с подругой Сауля.

На территории монастыря я сидел медитировал вместе с местной собакой, обнимал деревья, щупал стены. В общем, заняться было особо нечем. Историю этого места я не изучил заранее, поэтому для меня это были обезличенные старые камни, сложенные вместе, среди которых происходило что-то связанное с Богом. Предложил своим балтийским приятелям прогуляться дальше, изучить местность.

На этой почве Ингрид поругалась с Саулем. Сауль хотел остаться на территории монастыря, потому что его мама хотела, а эта поездка была исключительно для его мамы. А Ингрид это очень расстроило, так как она хотела пойти со мной дальше исследовать территорию. И она, обиженная и злая, пошла со мной, оставив Сауля в монастыре. Далеко мы, правда, не ушли. Одна тропинка вела в никуда, тупо упираясь в горы. Другая тропинка оказалась тропой на гору Моисея, и без проводника дальше идти было нельзя. В начале тропы нас поджидало множество бедуинов с верблюдами.

Решили возвращаться в «Fox Camp».

Ингрид, вся расстроенная, говорит мне:

– Женщина с мужчиной должна себя чувствовать... Как это слово правильно сказать? *Secured!* Это самое главное! А Сауль меня одну тут просто бросает и все. Все для мамы.

Мы дошли до конца территории монастыря, и вдруг она вспомнила, что ключи от комнаты у Сауля. Пошли назад. На полпути обратно встретили Сауля с его мамой. Только что злая и обиженная, Ингрид бросилась к Саулю на шею и расцеловала его. Мда, женщины странные.

Захотел разменять денег. Но в поселке банк уже был закрыт. Оказалось, что он работает с 8-30 до 15-00. Фрукты тут дорогие – 1 кг бананов 15 фунтов. Взял лимончиков от горной болезни, мало ли. Взял пару шоколадок за 25 фунтов. Вернулся в лагерь, попросил включить меня в список ужинающих. В поселке особо поесть было негде, да и нечего.

В теплом общем домике для общения и курения после ужина (состоящего из риса и жареных кур) я выяснял у всех подряд, кто на какую гору идет и когда. Прибыли еще три девушки с Литвы. Все понимали по-русски. Одна даже по-французски. Потренировал свой хилый французский немного на ней. Это мне еще пригодится для следующих стран. Познакомился с записингованной израильтянкой Адель, любительницей дайвинга. Она только что прибыла из Нувейбы. Развеселил ее вопросом:

– *Did you have any shark issues?*

Акульных недосказанностей, говорит, у нее во время заплывов никогда не приключалось.

Вскоре я наткнулся на одну египетскую пару (М+Ж), которая собиралась сегодня ночью идти на самую высокую гору Египта – Катрин, чтобы встретить на вершине рассвет. Я разыскал в столовой их гида, заплатил ему 250 фунтов за свое присоединившееся к ним туловище. Гид сообщил, что высота горы почти 3000 метров, на вершине минус семь, снег. Идти в одну сторону около семи часов. В группе, включая меня, будет четырнадцать человек. Выходим в 21-00.

Так. Теплых вещей у меня нет. Все, что на мне надето – штаны, майка, футболка с длинным рукавом, утепленная рубашка, берцы – это все не спасает даже от здешних 7°C. Одеваю четыре пары носков, две из которых теплые, три пары трусов. Обматываюсь спальным мешком, привязываю его к себе веревкой, накидываю сверху плащ-дождевик. Повязываю на голову бандану, сверху одеваю панаму. Выгляжу, как полный идиот. Беру в сумку две шоколадки, водичку, фонарь и лимончик. Кажется, я готов. Время выходить. Группа из тринадцати человек уже почти вся в сборе. Все египтяне. Все молодые, многие студенты.

У меня самая хреновая экипировка. Люди взяли с собой палки для треккинга, перчатки, шапки, наушники от замерзания ушей, термосы, рюкзаки со снеками и запасными вещами, фото-технику. И тут я стою, замотанный в спальный мешок.

– *Where are your gloves?* – спрашивает меня один из участников.

– *For what?*

– *Aaaa, sure! You are from Russia, you don't need them!*

Ожидание старта проходит как-то нервно. Я вспоминаю свою тибетскую «горняшку» и очень боюсь, что могу подвести всех этих людей. Обломать им весь «рассветный кайф», так сказать. Ребята начинают разминаться, делать зарядку. Ничего себе, как серьезно они подходят к делу! По-приколу делаю зарядку вместе с ними. И вот мы выдвигаемся к горе.

Первые пять километров было идти очень жарко. Остановки делали очень часто. Ребята оказались все очень хорошие, общительные, хорошо говорили по-английски. Двое из них даже работали в Китае детскими учителями английского. Каждую остановку они чего-то ели или курили. Ребят веселило мое скромное знание арабского, они меня иногда подкармливали орешками. Еще больше их веселила история про мое двухдневное заключение за попытку переночевать в церкви с пулеметчиками на стенах.

Делаем получасовую остановку на чай в поселении бедуинов. Не прошли и 1/3 пути, а столько остановок уже! Темнота к этому времени успела сгуститься вокруг нашей туристической группы. Разглядеть, что из себя представляет быт бедуинов, да и какие бедуины, собственно, сами, под тусклым светом налобного фонарика получалось плохо.

Тропа до Катрин-горы была удобная, идти было по ней

приятно. Но на определенной высоте, наверно около 1500 метров, стало холодно. Пока идешь, чувствуешь себя прекрасно. Прохладно, но отлично! Но как делаешь остановку, все – сидишь и мерзнешь всем своим естеством. Поэтому на остановках приноровился импровизировать с дыханием, чтобы разогреть свое туловище и конечности. Вдыхал глубоко и сильно, выдыхал очень медленно и долго, представляя, что я сижу в центре костра, мысленно посылая потоки крови к кончикам пальцев рук и ног. И это, на удивление, работало! Каждую остановку я так согревался!

Мы шли и наблюдали в ночном небе месяц такой же формы, как на мечетях. Это было очень красиво! Такого месяца в Москве или где-либо еще я в жизни не видел! Неужели это одна и та же Луна?

Я не без умиления наблюдал, как египетские студенты первый раз столкнулись с таким явлением, как снег. Они щупали его, пробовали на вкус, фотографировали, задумчиво разглядывали.

Примерно в 3-00 с чем-то утра (или ночи) мы достигли вершины горы. Гид жмет всем руки, поздравляет с прибытием, впихивает всех в дырявую хижину, чтобы отсидеться, отогреться. Все замученные и замерзшие. Я съедаю две шоколадки в одну харю. Не узнаю людей в хижине вокруг меня. Возможно, тут еще одна туристическая группа. Шевелю пальцами ног. Проверяю, не переохладились ли яйца. Все в порядке, я жив и чувствую себя вполне живым. Через час

рассвет.

18 января.

Это того стоило! Стоило того, чтобы сдохнуть и замерзнуть насмерть, а потом умереть от холода отмороженным! Кланяюсь солнцу, горам, облакам с чувством безграничной благодарности. Я жив, настал новый день, я съел шоколадки и даже неплохо себя чувствую. Я созерцаю земную красоту неземной красоты, я готов и дальше дрейфовать в потоке бесконечности, радуясь моменту, без страха и сожаления бросаться в пекло неизведанных земель, развлекая инопланетных африканских людей своими песенками.

Часа два мои египетские компаньоны приходят в себя. Сушат на костре носки, обувь. Кто-то вовсю фотографирует. Потом, часов в семь собираемся идти обратно. Идти обратно и легче, и веселей, и теплей. Выясняю, что для многих здесь, уже опытных треккеров, гора Катрин – это новый челлендж.

Группа из 14-ти человек разделяется на две группы по семь человек. Одна группа хочет сфотографировать все, что тут есть, было и будет. Другая группа хочет пить, жрать и спать. Я оказываюсь в голодной и сонной половине. Я не сделал ни одной фотографии, было жалко. Решил оставить сей информационный пласт мною нетронутым. На одной из остановок, уже из-за откровенной жары, снимаю с себя дождевик, разматываю с себя спальный мешок. Египтяне смеются, хвалят за креативность. Устраивают битву снежками.

– *Comeon! Show me a real Russian!*

На подходе к лагерю бедуинов ребята меня просят что-нибудь спеть. Откуда они знают? Пою им «Flattened» группы Mushroomhead и «Sunshine» исполнителя Matisyahu. Им нравится мой голос, говорят, что мне прям надо петь метал. Очень приятно, значит, не зря занимался.

В лагере бедуинов, где пили чай, останавливаемся пить чай снова. Попадаем на мини-концерт музыкального бедуина. Он играет на некоем подобии самодельной лиры или мини-арфы: четыре струны, корпус из двух симметричных дуг и перекладки, квадратный резонатор – металлическая коробка. Правой рукой он играл боем по всем струнам сразу, а пальцами левой руки прижимал те струны, который в данный момент не использовались. И пел, кажется, что-то про Аллаха. Звучало просто космически!

В этой пешей горной группе обнаруживается очень общительный дантист. Он рассказывает, как 14 лет проучился на эту специальность и теперь, работая в Каире, имеет зарплату всего в 10 тысяч фунтов в месяц. Он рассказывал, как представлял свои научные зубные работы на конференции в Берлине. Он рассказывал, как изобретал новые методы лечения, чуть ли не новые виды зубов, но гранта от египетского правительства на исследования не дождался. Никому, говорит, здесь это не нужно, хотя зубы болят у всех.

Он с уверенностью заявлял, что Россия и Египет по уровню жизни находятся примерно на одном месте – ниже сред-

него по всему миру, но чуть выше, чем самые отсталые государства. Некоторые проблемы и впрямь оказались аналогичными – люди учатся в высших учебных заведениях много лет, а потом не могут найти работу по специальности. Или находят что-то с нищенской зарплатой и кабальными условиями труда. Ему понравилась моя идея посетить Чад, чтобы потом собственная страна казалась самой передовой и самой лучшей для жизни и развития в мире.

В «Fox Camp» мы вернулись около 13-00. Сонно и несвязно благодарю ребят за то, что они были выносливые и оптимистичные. За то, что не рухнули и не сдохли на полпути. Прошу одного из администраторов лагеря внести меня в списки ужинающих и отключаюсь в своем холодном каменном домике до шести вечера.

Меня заботливо будят к ужину, приглашают в общий теплый домик для общения и курения. Всем ужин приносят туда: рис с бобами, бобовый суп, хлеб. Общаемся с вечно укуренным Паулем. Он рассказывает, как много лет путешествовал по Индии. Рассказал, как в Бразилии сунул в газетный киоск бумажку в 10 евро молча, а ему молча дали пакетик с кокаином в ответ. Своеобразный человек. Говорит, что уже 25 лет путешествует по миру без остановки, ищет счастье. Потом он вдруг просит у меня 200 фунтов на автобус до Каира. Дал ему их, в тот момент мысленно желая обрести ему счастье и освобождение. Пусть принесут ему только добро. Чего деньги жалеть?

В домике появляются четыре новых человека, все из Чехии. Один из них немного понимает по-русски. Они очень переживают по ценам на местных гидов. Спрашивают меня:

– Точно 250?

– Точно, – отвечаю я.

Появляется в домике интересная русская женщина Лиза. Она живет на территории «Fox Camp» уже шесть лет. До этого жила себе в Москве в Новокосино, была режиссером монтажа. Потом приехала на каникулы сюда и как-то случайно осталась на шесть лет. Не захотела уезжать. Понравилось тут. Рассказывала веселые автостопные истории. Напоила Сауля и Ингрид какой-то бормотухой. Говоришь с ними, а они словно выпадают из действительности.

Люди вокруг недвусмысленно намекают мне, что настало время песен. Приношу банджо. Играю «Аборигенка Маня» и «Radioactive». Всю песню «Воображаемых Драконов» мне подпевают и подыгрывают. Надо же, узнали!

19 января.

Проснулся, как контуженный – так было холодно. Прогулялся в поселок до банка. По дороге наткнулся на пекарню, взял и съел сразу три свежайших горячих лепешки по 1 фунту за штуку. Прямо из печи! Это непередаваемо! В банке поменял 75\$ на 1185 фунтов.

В лагере попрощался с Ингрид и Саулем. Сауль сказал мне: «Спасибо, с тобой было очень весело». Израильтянка

Адель на прощанье рассказала, что в Нувейбе есть аналогичный лагерь хиппи. Называется он «Droub Camp». Она сказала, что только что оттуда. Сказала найти там сотрудника по имени Борто. Он может разрешить поставить палатку на берегу бесплатно. Там сейчас тепло и море тоже теплое. Рассчитался с Хамди, по 50 фунтов за каждый ужин, плюс еще 100 фунтов за дополнительные сутки пребывания.

На выходе из поселка на ментовском посту ждал машину в сторону Нувейбы часа два с половиной. Тамошний англоговорящий постовой рассказал о своей командировке в Австралию. Он был в Сиднее и Мельбурне. Говорит, что не смотря на положительную экономическую ситуацию, и там возникали кое-какие сложности. Он работал до 16-00, потом один час у него уходил добраться до дома, один час на приведение себя в порядок (душ, переодеться, перекусить) и один час у него оставался до закрытия развлекательно-гастрономических заведений. Говорит, что в 19-00 все уже закрывается, и на улицах никого. Идешь один по пустому темному городу, чем заняться не знаешь.

Меня посадили к веселому пакистанскому англоговорящему водителю. Он оказался гражданином Саудовской Аравии и катался на арендованной машине по Египту с курорта на курорт, оттягивался в общем. Уже 40 лет он жил и работал в Саудовской Аравии электриком. Он угостил меня традиционной кондитерской сладостью из Саудовской Аравии, похожей на круглый белый кекс из непонятно каких ингре-

диентов. Эта вкусность по совместительству являлась слабым. Говорит:

– *If you take two you will get energy. If you take five it will clean your stomach.*

Ого! Он скормил мне уже три штуки. Я в двух кексах от того, чтобы обделаться прямо на кожаное сидение арендованного «Мерседеса»!

Мы остановились у камня, похожего на гриб и минут десять фотографировались. Ну, он действительно был очень похож на гриб. Веселый пакистанец пробовал разные ракуры, впихивал меня в них, усиленно размышляя, с какой стороны я более гармонично выгляжу с камнем-грибом. Вообще он направлялся в Шарм-ель-Шейх и очень хотел и меня туда отвезти с собой.

– Ты что, какая Нувейба? Шарм-ель-Шейх – это же самый курортный курорт из всех египетских курортных курортов! – удивлялся веселый пакистанец.

На безымянном Т-образном перекрестке с указателями на Дахаб и Нувейбу мы расстались с веселым пакистанским водителем, и я снова сидел и ждал, пока постовые менты меня посадят в какой-нибудь транспорт до Нувейбы. Долго ждать в этот раз не пришлось.

Однако, вместо бесплатной машины, менты посадили меня в такси. Это я понял не сразу. Водитель все норовил меня увезти подальше за Нувейбу, в поисках загадочного и

неизвестного «Droub Camp». Замучил меня услужливыми вопросами, типа: «А хочешь вот этот лагерь проверить? Не понравится, можем в другой поехать, я подожду. А хочешь, в магазин заедем»? Причем, гаденыш, сначала сказал, что знает, где находится «Droub Camp». Я был до сих пор без интернета, не мог проверить местоположение лагеря, а на «Maps.me» ничего аналогичного не нашел. Уехал уже за 10 км от Нувейбы, никаких признаков искомого лагеря. Гребанный таксист! Заплатил ему 100 фунтов за попытку, вышел, поймал бесплатный грузовичок обратно в Нувейбу. Найду, наверное, какую-нибудь локацию лагерного типа там. Потому что здесь просто голожопая пустыня – ни пожрать, ни попить не купишь.

В 17-00 уже начинает темнеть. После пары часов блужданий по Нувейбе и созерцаний заброшенных и закрытых кэмпингов, я наткнулся на один работающий «Fayrouz Beach Camp». Ни рынка, ни магазинов в радиусе 10 км вокруг не было. В последнем магазине по пути меня спугнули дети своими нечленораздельными выкриками на английском языке. Я до сих пор немного рефлексировал от той встречи с Суэцкими детьми.

Я долго пытался объяснить администратору, что не хочу спать в лагерных шалашах, а хочу просто поставить палатку на берегу. Но администратор либо был тупой, либо прикидывался, что не понимает, наверное специально, чтобы я плюнул на все и заплатил 100 фунтов за дырявый шалаш с

электричеством на берегу залива Акаба. За ужин и завтрак он еще хотел 200 фунтов. Вот козел! Вот козлы! Специально все сделали так, чтобы туристы и путешественники больше тратились! Я отказался от местных дорогуших яств, не смотря на то, что еды у меня с собой не было. Ничего, не помру.

На территории кэмпинга было пусто, вообще ни души. Солнце спряталось за горизонт, в воздухе еще чувствовалась полуденная жара, задержавшаяся до сумерек, видно по старой африканской привычке. Темными силуэтами вырисовывались дырявые шалаши вдоль берега. И я решил, что самое время искупаться голым. Вчера на вершине горы египетские студенты уверовали в мою русскую «холодостойкость», и я тоже в тот момент на всякий случай уверовал. Но сейчас холодный залив Акаба безжалостно лишил меня моей хладнокровной уверенности в мою русскую «холодостойкость». Мне хватило ровно тридцати секунд, чтобы осознать, что плавать сейчас – это реально холодно. Бесполезно и беспощадно. И я, дрожа и трясясь, выпрыгнул из негостеприимных вод Акабы.

Стемнело. На берегу в обе стороны не было ни огонька. Я, кажется, был единственный загулявшийся белый человек во всей Нувейбе! Сажусь на крыльце шалаша, ковыряюсь в своих путешественнических заметках. И вдруг передо мной появляется прекрасная девушка! Я даже сперва не поверил, думал проглотило.

– *Hello! Are you real person?! I'm so happy to see you!* – растерял-

ся при виде красоты я.

Эта девушка оказалась из Израиля, ее звали Нага. Я сыграл ей песенку «One day» израильского регги-исполнителя Matisyahu, чем заслужил настоящий израильский респект от прекрасной израильтянки. В ходе нашего разговора она выясняет, что я отказался от местных дорогих харчей и сижу голодный.

Нага ведет меня вдоль берега в соседний кэмпинг, где она обосновалась, кормит меня хлебом, огурцом, помидором и кунжутной пастой «тхиной». Короче, всем, что она еще сама не успела съесть. Это было очень здорово с ее стороны. Вот оно как бывает: вчера ты подарил 200 фунтов нарику, а сегодня, как из ниоткуда, появляется прекрасная израильтянка и кормит тебя в твой самый голодный момент.

Мы смотрим на звезды и говорим на сложные темы. Иногда моего английского не хватает, чтобы грамотно объяснить основные принципы сатанизма. Она слушает все, что я говорю так, словно сейчас я для нее самый интересный человек во Вселенной. Потом меня понесло в буддийские дебри: пытался ей объяснить, что «я», которое мы привыкли считать за абсолютность себя – это просто обозначение для тела и ума вместе взятых. Я говорю, и понимаю, что все это говорю не я, а какая-то сущность говорит все это за меня. Нага слушает и тоже вываливается из действительности, плывет в речах. Эх, наверно она тут с молодым человеком, иначе бы уже сидели и обнимались, и все было бы намного проще,

чем эти вечные вселенские материи, боль от двойственности восприятия и непостижимость пустоты.

На берегу, оказывается, есть еще два живых человека. Слева от моего шалаша кэмпинг с Нагой, а справа от моего шалаша отель с израильтянином Авивом и его рыжей подружкой.

Сидим вчетвером, пьем чаек. Авив рассказывает мне, что под влиянием западного сериала про Чернобыль, он захотел поехать в Россию специально на полулегальную экскурсию по «зоне».

– Да это ж вообще, такое там творилось! Уму непостижимо! Я хочу сфотографироваться рядом с реактором! – с глазами размером с теннисные мячи говорит мне Авив.

Слушаю, как эти трое говорят на иврите. Прикольный такой, фонетически благозвучный, помягче арабского. Узнаю, что на иврите «спасибо» звучит, как «*тода*». По сравнению со вчерашним эстонским «*ачу*», что означает также «спасибо», к «*тода*», к сожалению, никакой эмоциональной ассоциации придумать не удастся (ачу, апчху, будь здоров, спасибо). Узнаю, что всем известное «*аллилуйя*» – это тоже иврит. Это означает «молитесь богу». Где «*халелу*» – это «молиться», а «бог» – это «*йах*». Очень интересно. Вот откуда пошли все эти имена бога – Джа, Яхва, Егова. Рассказываю ребятам, что в русском языке «я» употребляется в значении «*I, myself*». Я чувствую шевеление их мыслей, скрежетание извилин в попытках сделать какие-нибудь лингвистические

ВЫВОДЫ, НО МНЕ ОТВЕЧАЮТ ТОЛЬКО:

– *Wow! That's so interesting!*

Тогда я решаю их лингвистически добить и рассказываю о странном совпадении в арабском и русском языках. По-арабски «*раб*» означает «бог». Говорю, что в русском языке слово «раб» употребляется в значении «*slave*».

– *Wow! That's certainly a coincidence!* – только и могут ответить мне они.

Часов в 11 вечера мы расходимся. Провожая Нагу до ее комнаты. По пути рассказываем друг другу странные факты друг о друге. Я рассказываю, что записал дома домашний рэп-альбом. Она рассказывает, что дозанималась до коричневого пояса в каратэ. Она здесь с другом, который куда-то слинял, поэтому момент прощания становится очень неловким. Стою и не знаю, обнять ее или не обнимать. Подробности про друга я не знаю. Она протягивает мне руку для рукопожатия на прощание, говорит, что завтра еще тут будет. Прямо, как в мультике «Жил-был пес»:

– Ты заходи, если что...

Кровать оказалась настолько большая, а шалаш настолько дырявый, что я поставил палатку прямо на кровать в шалаше для тепла и от комаров. Такого я еще не делал.

Первоначально искомый хиппи-лагерь «Droub Camp» после, с приобретением интернета, обнаружился на «Google картах» в 24-х км от Нувейбы на север. Хорошо, что меня занесло сюда. В путешествии не перестаешь удивляться со-

вершенной мудрости «потока», который тебя всегда доставляет до места назначения. Даже если это место назначения заранее тобой не определено, тебя все равно доставит туда, где ты это место назначения сможешь разглядеть, среди всех прочих мест.

20 января.

Почти все десять километров до центра Нувейбы со мной шел пес, который еще и провел всю ночь на крыльце моего шалаша. Мы шли вдоль шоссе нога в ногу или нога в лапу, я играл мелодии на банджо, пес иногда гавкал в такт. Водители и прохожие дивились сей картине. Кричали:

– *Goodmusic! Youcangowithme!*

Но к водителям, которые приглашали прокатиться, я не садился. Вчерашний урок распознавания таксиста был еще очень свежий и неусвоенный в полной мере.

Я спрашиваю у пса-спутника: «Мы где»? – и потом сам же со смехом отвечаю: «Мы где-то». Мы где-то – мыгдета... Мыгдета! Да! Я только что придумал идеальное имя для богини-покровительницы вольных путешествий – Мыгдета.

Я очень хотел жрать, и к тому моменту, как я добрался до первого доступного хлебного магазина, пес куда-то слился. Я взял восемь лепешек за 10 фунтов, пять штук съел сразу.

Здесьшний центральный рынок состоял из огромного количества кальянных и чуть меньшего количества ларьков с продуктами. Без внимания местных я не оставался даже на

10 секунд. Всем сыграть и всех развеселить я, конечно, не мог. Поэтому я быстро набрал всякой еды и покинул то представшее египетское пространство. Я взял 1 кг бананов за 20 фунтов, три сэндвича с фалафелем и овощами за 10 фунтов каждый, бутылку питьевой воды объемом полтора литра за 6 фунтов.

Я дошел до трехзвездочного курорта «Sayadeen Village-Red Sea Riviera» и попросил там у администрации разрешения поставить палатку на берегу. Дальше уже идти было впадлу. Администраторы сказали, что это будет стоить 200 фунтов. Я осмотрел территорию – никого. Говорю, что двести фунтов это безобразие, давайте за сто. Они согласились. Хотя, даже 100 фунтов – это тоже безобразие, но многие египтяне, они вообще, безобразные личности.

Не смотря на то, что сэндвичи с фалафелем и овощами были классные, пребывать наедине со своими мыслями оказалось болезненно. Я оставил в Москве жизнедеятельность, полностью основанную на страдании: страдание от работы и ее отсутствия, страдание от нехватки времени и переизбытка оного, страдание от общения и от его отсутствия. Беспочвенно чувствую беспокойство и неуверенность. Я больше полугода с различных сторон готовился к африканскому путешествию: учил языки, подготавливал документы, разучивал песенки, тренировался. Паническая уединенность поглощает все мои мысли: думаю о родителях, о бездумной трате денег, о предстоящих трудностях впереди.

В 18-30 окончательно стемнело. Чтобы отвлечься, я гулял вдоль берега и играл на банджо, пытаюсь приманить людей. Никого. Только трое сотрудников бара на территории сидят и ждут, в надежде, что мне захочется пивка или чего-нибудь покрепче.

Ветер дул сильный, но палатка была привязана хорошо к столбам-зонтикам и лежанкам-шезлонгам. Ночь оказалась очень теплая и приятная. Залив Акаба убаюкивал меня, шелестя волнами, и тяжесть мыслей отступала перед тяжестью сна.

21 января.

До Шарм-эль-Шейха я добрался на двух бесплатных машинах. Первый водитель довез меня до Дахаба. Он не говорил по-английски, но говорил много, много смеялся, угостил меня круассаном. Второй водитель рейсового микроавтобуса на мое «*маджанан*» (что означает «бесплатно») сперва засмеялся, но потом кивнул и указал на сиденье, мол, садись, хрен с тобой. Он высадил меня у аэропорта Шарм-эль-Шейха на автобусной остановке.

Там уже стоял пожилой человек. Через «Google-переводчик» в телефоне пытаюсь выяснить, где мне сесть на автобус, который привезет меня к кораблю, что идет в Хургаду. Я хотел элегантно срезать путь до Асуана через Суэцкий залив. Пожилой человек ответил, что нужный автобус идет от этой остановки. Кажется... Он много чего еще говорит по-

арабски непонятного, потом дал мне пообщаться со своим немного англоговорящим внуком по телефону. Между нами произошел довольно бесполезный разговор, типа:

– Ну будете в наших краях – милости просим.

– Нет, уж лучше вы к нам.

Еще раз говорю пожилому человеку через «Google-переводчик», на всякий случай, что не хочу такси, а хочу именно автобус до корабля в Хургаду. Пожилой египтянин кивнул и принялся ловить мне такси. Созывал всех таксистов, что были в округе на мое злящееся белое туловище. Таксисты, засранцы, опознали во мне русского и говорили со мной на чистейшем русском. Просили пять долларов за 10 км езды. Обиделся на них всех и пошел вдоль дороги пешком.

Вскоре я поймал микроавтобус и за бесплатно уговорил водителя провезти меня по прямой 10 км. Водитель провез меня чуть дальше, так как въехал в мою корабельную ситуацию и с уверенностью заявил, что мне нужно выходить около некого «Delta Resort». Это было примерно на 6 км дальше от корабельного причала отмеченного на «Maps.me». Не очень понимая, что делать, я пошел на ресепшен спросить о цене комнаты за ночь и о билетах на корабль до Хургады. Самое дешевое, что у них было на данный момент по комнатам, это апартаменты типа «студия» за 350 фунтов в сутки. Про корабль мне ничего подсказать не смогли.

В помещение ресепшена вошла русская женщина. У нее были какие-то проблемы с заселением, пришлось помочь ей

вести диалог на английском с не очень сообразительным сотрудником ресепшена, который, как оказалось, вписал в ее апартаменты другого человека. Я попытался использовать эту женщину в своих путешественнических вопросах, раз уж я ей чуть-чуть помог, раз уж кое-чего разрулил. Но ничего полезного я от нее не услышал. Она наругала меня, что я путешествую без интернета, сказала, что давно бы уже снял у здешних русских комнату, а не шарахался по городу. Про корабль в Хургаду она тоже ничего мне не подсказала. Потом долго говорила про всякую еду и про бесплатный пляж. Слушать ее было тяжело, она словно говорила сама с собой, совершенно не ведя никакого диалога. Прямо как укуренный Пауль из Манчестера. Я взял ее телефон на случай, если она выяснит что-то про корабль.

На территории «Delta Resort» я нашел компьютерный магазин. Там я купил себе SIM-карту «Vodafone» с 4 Гб интернета за 220 фунтов. Сообразительный компьютерный продавец настроил мне телефон, чтобы все работало. Потом даже подсказал по ситуации с кораблем в Хургаду. По его данным, корабль отходит в Хургаду действительно от причала, отмеченного на «Maps.me», но билеты продаются в другом месте. Надо сесть в синий микроавтобус за 3 фунта и ехать на юг до остановки Old Market, а потом идти в Tiran Center (торговый центр). Там на втором этаже находится офис по продаже билетов «Abri Bridge».

Я, весь из себя уверенный и воодушевленный, помчался в

офис по продаже билетов на корабль в Хургаду, но в офисе я просто сполз со стула, когда мне назвали цену. Шестьдесят баксов! Два с половиной часа в пути. В 9-00 утра 22 января корабль должен был vyplывать. Ну его на фиг, автостопом лучше два дня покатаюсь.

Посмотрел на приложении «Booking.com» самый дешевый отель в Шарм-эль-Шейхе. Приложение выдало отель «Aida» за 830 рублей. Ну, это еще, куда не шло. На территории рынка меня уже порядочно подзадолбали египтяне, более того, гады, русский знают! Десять секунд не могу пройти без внимания. Постоянно хотят тебя впихнуть в такси, продать свое барахло, заговорить до смерти, персональный концерт каждому, блин, сыграй.

На ресепшене отеля «Aida», мне заявляют, что цена их комнаты 300 фунтов за сутки. Я показываю им их цену в приложении, на что они отвечают, что это цена без налогов. Каких, вашу мать, налогов?! Это была последняя капля моего терпения, гребаный Египет! Срываюсь на работника ресепшена, ору матом на него на двух языках, ухожу.

В течение часов трех я бродил по окраине Шарм-эль-Шейха, искал отель или бесплатный ночлег. Из всех посещенных мной потенциально бесплатных мест для сна, начиная от бомжатников и заканчивая туристическими базами, ментовками и заправками, меня выгнали. Все отели, которые я проверял по ходу, были уже забиты. Ну, чего делать, вернулся в отель «Aida». Извинился перед сотрудником ре-

сепшена, взял комнату за 300 фунтов. Взял газировки и шоколадок.

На завтра нашел себе через «Couchsurfing» ночлег в городе Суэц. Забавно, что я снова возвращаюсь туда. Бесплатный ночлег, надеюсь, будет поприятней, чем в прошлый раз. Звоню маме, впервые за неделю, извиняюсь, что так резко улетел. Она говорит, что я все сделал правильно и желает удачи.

Я как-то быстро за два дня протранжирил кучу денег, оставалось всего 350 фунтов, надо было снова идти в обменник. Сегодня на рынке я, не стесняясь, обедался сэндвичами с фалафелем, бананами, катался на такси раза два, плюс купил интернет.

Номер за 300 фунтов оказался практически 2,5-звездочным. Я вымыл себя, отстирал одежду. На одной кровати я целенаправленно сидел и ел хлеб, чтобы кровать была вся в крошках, а на другой просто спал.

В Шарм-эль-Шейхе я встретил много русских и украинцев. Но они были бесполезны. Сидят тут целыми неделями, а ничего подсказать не могут. Туда, где по путешественнической логике меня могли бы запросто пустить переночевать, меня переночевать не пускали. Мне запомнился полуразрушенный дом с костром прямо на полу и просто заброшенный дом, устланный коврами. На мое *«фундук гали»* (отель дорогой), местные нищие мне не посочувствовали и без угрызений совести выпроводили обратно на приставучие улицы Шарм-эль-Шейха.

22 января.

До дороги, ведущей из города, меня бесплатно подвез вчерашний работник заправки, не пустивший меня накануне к себе на заправку спать. Я не сразу узнал, его, а он меня сразу. Забавно. Он успел мне рассказать, что на заправке тут работают вахтовым методом 15 суток через 15 с 9-00 до 19-00. Прямо таки «райская вахта»!

Сначала меня подвез грузовичок до поворота на населенный пункт Ras el Kenisa. Там уже дорога расходилась аж на три дублера! Не поймешь, на какой из дорог лучше стоять и ловить транспорт. Около часа, перебегая с одной дороги на другую, я в итоге вписался в открытый кузов «Тойоты» с бедуином за рулем. Кабина была полна людей, женщин и детей. В кузове со мной сидел еще один бедуин.

Машина ехала примерно под 100 км/ч: ветер в харю, песок в глаза и рот, попа в шишках, морда мерзнет... Здорово, одним словом! Правда, мое автостопное счастье длилось не долго. На посту у городка под названием «Тор» менты меня высадили из кузова, так резко, что даже «спасибо» сказать водителю не успел. Легавые посадили меня в свою машину, повезли до следующего поста на выезде из города. Я сказал им, что у меня осталось только 200 фунтов, и мне срочно нужно в банк, поэтому пусть ловят мне бесплатное авто до Суэца. Врать о полном безденежье было бы опрометчиво. Они сказали, что поймают автобус, так как 200 фунтов мне

на билет до Суэца хватит.

Я посидел в их каморке около получаса, попил чайку, сыграл им песенку «One day». В ближайшей продуктовой палатке купил 1,5 литра воды за 7 фунтов. Изначально пытались продать мне воду аж за 15 фунтов. Но продавец очень хотел со мной сфоткаться, и мы нашли решение, устроившее нас обоих.

Меня посадили в автобус до Суэца. Контролер, нависши надо мной своим чернокожим туловищем, сказал, что билет стоит 110 фунтов. После пятнадцати минут мучений, шуток, демонстрации хренового арабского и пары музыкальных импровизаций мне удалось снизить стоимость билета до 100 фунтов.

До прибытия в Суэц была одна двадцатиминутная остановка на покушать. Накупил разного египетского печенья на дегустацию. Один дядька из автобуса указывает пальцем на открытую пачку печенья, которую я держу и ем. Я протягиваю ему угоститься, а он вырывает из руки всю пачку, разворачивается, пытается уйти. Я хватаю его за плечо, тычу ему кулаком в нос, тот смеется и отдает печенье. Жирный ублюдок! Такой херни в России даже со своими не делают, а тут такое отношение к путешественнику, к иностранному гостю в этой стране! Вот тебе и менталитет!

По телевизору в автобусе крутили продукт египетской киноиндустрии. Основная сюжетная линия фильма была такой: полицейский вместе с пятилетним ребенком попадает в

тюрьму общего режима. И ребенку даже выдали детский тюремный комбинезончик! Весь этот сюрреалистический бред был приправлен слезливыми саундтреками, нелепыми ракурсами лиц, драками и отборной арабской руганью (как мне показалось).

В Суэце сажусь в маршрутку за 3 фунта, еду в центр, прошу меня высадить у какого-нибудь еще работающего банка. Меня высаживают около «AlexBank», там я меняю 100\$ на 1574 египетских фунта. Обнаружив, что я рядом с «Макдональдсом», звоню человеку с «Couchsurfing», который согласился меня приютить сегодня. Его зовут Айман Саад, он 45-ти летний учитель истории и арабского языка. Сообщаю ему свое местоположение.

Минут через сорок Айман подходит к «Макдональдсу» (единственному в городе), мы знакомимся, идем гулять по вечернему Суэцу. Гуляем по паркам, по набережной вдоль Суэцкого канала, проходим единственный в городе кинотеатр, где показывают только три фильма – три эпичных арабских боевика. Айман рассказывает про свою долгую академическую жизнь. Про то, как он родился в городе Александрия, а потом в 15 лет переехал жить, учиться и работать в Суэц. Учиться на учителя! Здесь же он и женился на учительнице, чтобы все было логично. По-английски он говорил очень хорошо, но когда он начинал рассказывать всякие исторические факты про Суэц и судоходство в Египте, я переставал его понимать и просто удивленно кивал на все,

что он говорил.

Мимоходом оказываемся на настоящем аутентичном «восточном базаре». Там очень много всего гастрономического: фрукты, овощи, мясо, специи, хлеб, кондитерские изделия. Глаза разбегаются, народу тьма, проходы между палатками узкие. Айман все время шествия через базар идет впереди. Пару раз оборачивается и говорит:

– Если потеряешься, сразу звони!

Дома Айман знакомит меня с его двумя дочками и женой. Его жена даже дома ходит в полной парандже, только глаза видно. Дочки у него студентки, очень симпатичные и очень стеснительные. В квартире несколько больших комнат, кухня, две ванны. Меня селят в отдельную комнату, дают принять душ, потом зовут ужинать.

Мы ужинаем вдвоем, вместе с Айманом, отдельно от женской половины человечества. Его жена приготовила кучу всего: фуль, фалафели, жареная картошка, омлет, салат, фрукты, хлеб, чай. Из уважения к хозяевам я съел все, что мне поставили, пусть и был в одном фалафеле от обжорнической смерти. Мне было очень плохо. Я делал одновременно два несовместимых действия: сдерживал пердеж и засыпал.

Айман рассказывал о своих путешествиях по Египту, показывал фотографии исторических мест, рассказывал всякие исторические истории, связанные с этими историческими местами. А я в свою очередь расстегнул ремень и верхнюю пуговицу штанов и старался не отключиться прямо по-

среди исторической истории. Его жена, кстати, здесь работала преподавателем по предмету «ведение домашнего хозяйства». Этот предмет ведется только для девочек. Египетские мужики должны все интуитивно знать и уметь про домашнее хозяйство! Им, в свою очередь, в школах преподают всякую механику и строительство.

Айман попросил меня завтра перед отбытием съездить с ним в школу, где он работает, и повеселить детей. Сказал, что подъем в 7-00 утра. А потом он поможет мне выбраться на шоссе ведущее в Хургаду. Веселить детей – это святое дело, особенно если эти дети – кармическая расплата за твое обжорство и нескончаемый поиск халявных благ.

В маршрутке по пути к дому Аймана мы встретили девушку со светлыми волосами зелеными глазами и вообще очень европейской внешности. Но она была закутана в платок по египетской «местной моде». Я спросил, откуда она, и та ответила, что отсюда, из Египта. Я не мог поверить. От нее словно исходил свет, в чертах ее лица было что-то ангельское, неземное, что не могло просто так взять и вырасти на грубой песочной египетской земле. Больше мы с ней не встретились.

23 января.

В 7-00 утра Айман разбудил меня и перед завтраком показал свою голубятню на крыше. Я так и не понял, почему голуби возвращаются обратно в клетки. Айман объяснял, что это очень умные птицы. Он их кормит и несколько раз в неделю

выпускает поразмяться, и голуби всегда возвращаются, потому что они очень умные. Умные ли? Мне было очень интересно, какие практические применения для голубей есть сейчас. Не письма же, в конце концов, им доставлять?! Айман сказал, что иногда таких голубей в Египте тренируют специально на доставку наркотиков, но он их держит для души. Он взял одну птицу из клетки и протянул мне. Для души?! Вблизи они просто отвратительны со своими выпученными глазами и шишकाстыми лапками. Про аромат я молчу.

Мы позавтракали абсолютно тем же, что ели вчера, но в этот раз я был стратегом и съел не все. Ужин вчера был такой, что я боялся, как бы не засорить сортир Аймана и весь культурный обмен не свести на бескультурный.

На трех микроавтобусах мы добрались до начальной школы, где Айман работал учителем. У детей как раз сегодня был экзамен по английскому языку. Меня представили детям, как тренажер для тренировки английского, но ничего сказать, кроме: «*Whatisyourname*»?— они не могли. Иногда кто-то очень умный и смелый спрашивал: «*Whereareyoufrom*»? Некоторые называли свои имена. Я насчитал четыре Мухаммада, три Ахмеда, два Карима.

Вежливые, стеснительные и взволнованные, они окружили меня – белобрысого, пыльного, с диковинным струнным инструментом, и не знали, что со мной делать.

Они выглядели очень счастливыми. Я поимпровизировал на банджо, рассказал им про свое путешествие, потом спел

им песенку «One day». Один из Ахмедов сказал:

– *Your voice is beautiful, I love you!*

Я дал всем желающим сфотографироваться с собой, пожал всем руки, и дети, нехотя, отправились сдавать экзамен.

Мы сидели еще где-то час в учительской вместе с другими учителями, пили чай с печеньками. Мне задавали сложные «числительные» вопросы:

– Сколько в России стоит самая дорогая машина? Какая зарплата у учителей? Сколько стоит съём жилья?

Однозначных числительных ответов я дать не мог. Они зависели от всякого. От наблюдателя и от звезд в небе.

Айман посадил меня в маршрутку до окраины Суэца, откуда удобно будет выйти на дорогу на Хургаду. По пути помог пополнить баланс счета моего «Vodafone» интернета. Можно, оказывается, пополнять не только в офисах, но и в мелких продуктовых магазинчиках. Но не во всех, и с большой комиссией. Вчера Айман подарил мне три разных рисунка на папирусе, со словами: «Один твоей маме, один твоему папе и один тебе». Сейчас они мялись у меня в рюкзаке, а Айман махал мне своей египетской загорелой волосатой рукой. Маршрутка тронулась. Айман и его классическое мусульманское гостеприимство остались позади.

Первая машина, которую я поймал, увезла меня километров на пятнадцать. За рулем сидел англоговорящий инженер-механик. Он ехал на один из курортов чинить какую-то хрень. Затем я остановил свой первый египетский дально-

бойный грузовик. Проехал на нем километров пятьдесят. Водитель не говорил по-английски, но моего скромного запаса арабского хватало, чтобы вести кривую беседу ни о чем. Веселил водителя импровизациями на банджо. На уже третьей машине за сегодня я проехал еще километров пятнадцать. Водитель не говорил по-английски, но очень хотел со мной сфотографироваться.

– *Инта уриду су́ра* (ты хочешь картинку)? – спрашиваю я.

– *Yes, yes!* – отвечает мне водитель, но так ничего и не сфотографировал.

Участок дороги, где меня высадил последний водитель, был не очень удобный для голосования. Дорога была вся в поворотах, обочины были все вскопанные. Всюду стройка, техника. Решил пройти до более удобной позиции. Не успеваю пройти и ста метров, как рядом останавливается черный «Мерседес» с молодым, кудрявым, англоговорящим египтянином внутри. Из колонок играет отборное, прокуренное насквозь, рэгги.

– Ты чего тут бродишь? Садись, подвезу! – доносится из машины.

Мда, не трать силы и время на поиск Джа, Джа сам найдет тебя, и найдет вовремя.

На заднем сидении у растаманского египтянина сидела здоровенная немецкая овчарка. Немного нервничала. Но беспрекословно выполняла все команды, идущие от ее хозяина.

Самого хозяина немного нервной овчарки звали Карим. Он был родом из Каира. Сейчас только что возвратился из путешествия по Индонезии и решил съездить отдохнуть от отдыха.

Карим рассказывал про то, как учился на инженера в Берлине несколько лет, как путешествовал по Европе. Рассказывал про свое путешествие в Россию. На второй день у него украли там все документы и деньги. Он просто остался на второй день в России буквально обнуленным! Но его посольство его не бросило, и вскоре он уже наслаждался русской природой и русскими людьми в поселке под Питером на букву «Л». Наверное, Ладога. Названия он так и не вспомнил. Он рассказал, что водное сообщение между Шарм-эль-Шейхом и Хургадой возобновилось только в декабре 2019 года. До этого, после революции в 2011 году, все водные сообщения между этими городами прекратились. Так что ничего удивительного, что билет на корабль из Шарм-эль-Шейха в Хургаду стоил 60\$.

Нам на дороге попадалось много ментовских постов, но Карим знал, что говорить, чтобы ни у него, ни у меня не возникло проблем. Он говорил, что мы просто едем работать вместе. У ментов почему-то не возникало вопросов, они даже не смотрели мои документы. От Суэца до Хургады ехать около 400 км. Я не планировал, что доберусь сегодня именно до Хургады, в основном из-за ментов. Они – главный тормоз автостопа в Египте. Но мы с Каримом ехали очень бод-

ренько и, судя по всему, до Хургады я сегодня доеду. Карим предлагал мне доехать с ним до Marsa Al`Alam – очень курортного и очень классного места. И остановиться именно в «Beduin Valley» – это своеобразный главный лагерь хиппи на юге Египта. Но это находилось почти в 300 км от Хургады. Сам он ехал куда-то еще дальше.

Мы один раз сделали остановку на заправке. Я там пытался купить шоколадку. Но ценников ни на одном товаре вообще не было. Я пытался по обертке угадать, какая из шоколадок дешевая и то и дело бегал к кассе проверять цену. Потом бежал обратно в зал, менял шоколадку на другую и снова бежал пробивать ее в кассу. Я очень задолбал кассира, но они сами виноваты, да и цены у них такие, что не подступишься: 32 фунта, 46, 50, 52. Даже за 85 фунтов шоколадку нашел! Один гладко стриженный египтянин долго наблюдал за моими попытками найти хоть что-нибудь приемлемое, в итоге пошел и купил мне шоколадку за полтинник.

– You are a guest here. You are welcome! – с радостной улыбкой протянул шоколадку мне он.

Солнце в Египте зимой начинает садиться очень рано. Около 17-00. На закате мы уже приближаемся к Хургаде. Дозвониться по телефонам, которые дал мне Карим, до «Beduin Valley» я не смог. Хотел выяснить по ценам и по наличию мест. И работают ли они вообще сейчас.

Думаю, думаю, решаю в слепую не нырять в этот раз в «поток», вспоминая недавно произнесенные мудрые слова

Карима:

– *You are going with the flow. It's double-edged weapon!*

В приложении «Booking.com» бронирую отель в Хургаде за 8\$. Завтрак включен. Вроде неплохо, даже успею город посмотреть. И в таком курортном месте есть что-то более-менее не дорогое. Карим меня высаживает при въезде в Хургаду, тепло прощаемся с ним.

Меня сразу начинают прессовать таксисты, наглые и жадные. Показываю им адрес забронированного мной «Canari Hotel». Спрашиваю, знают ли они, куда ехать. Они говорят, что знают, но это стоит 400 фунтов. За дурака меня держат! Пятнадцать километров провезти хотят за 1500 рублей! Ни стыда, ни совести! Но идти самому искать – это будет сейчас долго и утомительно, надо добраться до лежбища с минимальными затратами энергии и времени.

Сторговываюсь с большим трудом, криками и блефом до 150 фунтов с одним из них. Таксист ввозит меня в город и долго петляет по улицам, останавливается каждые двести метров и спрашивает дорогу. Он понятия не имеет, куда меня везти! Но так старается! Я проникаюсь глубоким сочувствием к этому наглому, жадному, но такому старательному таксисту. Наверно он бедный и жизнь у него тяжелая. Хорошо, что у него сегодня появилась возможность чуть-чуть подзаработать на мне. Больше на жадных таксистов я не злюсь. Без сожаления расстаюсь со 150-ю фунтами.

В номере долго не сидится. Скинув вещи, почти сразу иду

изучать город. Но как его изучить за вечер, я не особо понимаю, поэтому просто хожу и ем: шаурму за 10 фунтов, кошеру за 10 фунтов, бананы 1 кг за 10 фунтов, шесть лепешек хлеба за 6 фунтов. Со всеми продавцами говорю исключительно на арабском. Чтобы цену не завышали. Гуляю по местному городскому общему пляжу. Он отвратительный. Замусоренный, с песком нездорового цвета, окруженный недостроенными мрачными зданиями. В порту смотрю на кораблики, никто меня не выгоняет. Думаю о том, что суданская виза начинает действовать уже через три дня. Как ты откроешься мне еще, Африка?

24 января.

Египетские студенты из «Fox Camp» научили меня одной очень полезной вежливой фразе на арабском – аналогу «*thankyouverymuch*». Звучит, как: «*Шукрайн газилан*». И это уже не простое «спасибо»! В некоторых ситуациях одним «спасибо» не обойдешься, особенно, когда просишь подвести бесплатно.

Смешивание соусов из шаурмы и кошеру, съеденных мною вчера, сегодня привело меня к мощному утреннему поносу. Наелся активированного угля, полегчало. Надо же, мой первый понос в Египте! С почином меня!

Континентальный завтрак в отеле «Canari Hotel» состоял из вареного яйца, трех булочек, йогурта, маленькой упаковки джема, маленькой упаковки масла и маленького ломтика

плавленного сыра. Скромненько, но неплохо.

После завтрака я покинул отель и пошел по дороге из Хургады, проходящей вдоль аэропорта. На ней я сперва поймал деньгоспроса. Я четко ему сказал: «*Маджа́нан*». То есть – «бесплатно». Водитель кивнул. Но через три минуты поворачивается ко мне и говорит:

– *Tendollars!*

Благополучно и бесплатно эвакуировавшись из деньгоспросной машины, я поймал другую с интересным англоговорящим водителем внутри. Он сдавал здесь квартиры в аренду, был женат на украинской женщине и очень переживал, что в Хургаде стало мало русских из-за сложностей перелета. А русские-то были у него основной клиентурой тут!

Потом меня подобрал молчаливый, очень мусульманский водитель. У него уже был попутчик. Всю дорогу они молчали. Радио было настроено на волну, где в тишине читали, как я понял, Коран. Так, вспоминая, что войны Аллаха первыми попадают в рай, а самыми последними евреи и христиане, я доехал с ними до поворота на Кену.

Не успел я на трассе, ведущей в Кену дойти до удобной позиции для голосования, как рядом со мной остановился здоровенный желтый дальнобойный грузовик с двумя прицепами. Два веселых египтянина криками и жестами приглашали меня прокатиться.

Надо же! Стоит пять минут пройти вдоль дороги с рюкзаком и брэнчать – тебя подбирают и везут. По-англий-

ски оба жителя грузовика почти не понимали, мой корявый арабский не понимали тоже. Водитель позвонил своему англоговорящему другу и дал трубку мне. Я рассказал другу водителя, какой я весь из себя путешественник, и куда я направляюсь. Водитель сообщил мне, что как раз едет в Кену. Ребята, вообще, были позитивные, приятные. Кормили меня газировкой с печеньем. У них играла клевая музыка.

– Тупак? – спрашиваю я у водителя, удивившись неожиданной крутости его плейлиста.

– *Yes! This is 2pac!* – радостно отвечает мне любитель гангста-рэпа за рулем желтого грузовика.

Напарник водителя показывает мне фотографии, где они пьянствуют, очень часто этикетки от выпивки мелькают крупным планом. Смеюсь, говорю: «*Харам*»! Ребята тоже смеются, удивляются, откуда я знаю про «*харам*».

Увидел по пути очень странную и жалостливую картину. У осла были завязаны передние лапы снизу вместе, и веревка от лап шла еще и к морде, морда тоже была завязана. Чтобы он не мог далеко уйти и, чтобы не орал. Он делал шаг обоими передними лапами, потом подтягивал задние и мычал. Большой шаг он сделать не мог, так как дергал себя за морду. Очень живодерски-изобретательно...

А так, дорога преодолевалась прекрасно, мы болтали, каждый о своем, я импровизировал на банджо, любовался пустынными пейзажами с высоты полета желтого грузовика. Все шло хорошо, пока мы не прибыли в Кену, и водители не

попытались посадить меня в такси к своему другу. Я отказался, они расстроились, и наше прощание получилось смазанным.

Я подумал, что неплохо бы изучить египетские пассажирские поезда. И решил сегодня идти на вокзал Кены, чтобы попробовать доехать сразу до Асуана. Ребята из желтого грузовика высадили меня на окраине, надо было пройти несколько километров до вокзала. Иду вдоль главной въездной дороги, не успеваю пройти и 200 метров, как срабатывает skill «человека с большим рюкзаком». Останавливается небольшой грузовичок, водитель приглашает прокатиться с ним. Сажусь. Не успеваем проехать и 500 метров, как ментовская машина обгоняет нас слева, преграждает нам путь, требуя немедленной остановки.

Менты из грузовика меня высадили, забрали паспорт, усадили к себе в машину на переднее сидение между двумя жирдяями, буквально жопой на ручную коробку передач. На 2-ой и на 4-ой передаче я орал матом на ментов, пытался их растолкать от себя. На остальных передачах я пытался выяснить, куда меня везут:

– *Problems? Are we going into police station?*

– *No, to drink tea.*

Ага, чай пить. Жирный пиздабол. Привезли меня в полицейский участок. Там я сразу заявил, что они попусту тратят мое время, так как документы у меня в порядке и ничего плохого я не сделал. Они пытались оттянуть время, заявив,

что пойдут купят мне билет до Асуана, я сказал, что я не идиот, и все сам купить могу. Меня передавали от одного англоговорящего офицера к другому. Мне задавали одни и те же вопросы:

– Кто? Откуда? Куда? Зачем? Как здесь оказался? Что собираешься делать?

Вся эта канитель длилась часа полтора. Потом меня попросили сыграть на банджо, я сыграл, и меня отпустили.

Странный город принял меня странно, но странности на этом не кончались. По пути в участок, между приступами боли в промежности и докапывания до главного полицейского жирдяя, я успел рассмотреть, что многие гражданские люди в Кене были вооружены ружьями и дробовиками. В участке мне ничего внятного по этому поводу не ответили, сказали, что это типа «дружинники» и «ополчение».

Около вокзала, я купил сладкий кренделек за 1 фунт. А сначала, хотели продать за 2 фунта. Я выторговал 50% от цены! С такими успехами и до 100% дойду!

На вокзале у металлоискателя меня радостно встретил вокзальный «смотритель», попросил меня сыграть. Поимпровизировал ему немного, потом говорю:

– *Ана уриду уа́хед бита́ка и́лля Асуан алья́ум*, – что по-арабски означает: «Я хочу один билет в Асуан сегодня».

Смотритель сообщает, что поезд в Асуан будет через два часа. Но билетов в кассе уже нет. Что делать? Смотритель пропускает меня на вокзал, показывает платформу, к кото-

рой прибудет поезд. Повторяет время – 18-00. Желает счастливого пути. Видимо, я поеду без билета.

Сижу, почти два часа бренчу всем, кто готов послушать, ем офигенный вчерашний египетский хлеб. Что в нем такого? Не знаю, но, кажется, я подсел.

Поезд оказался очень цивилизным. Если туалет был свободен, то при входе в тамбур горела зеленая вывеска «WC», если занят – красная перечеркнутая. Это удобно.

Контролеры не дали мне отсидеться в тамбуре, усадили на свободное место и взяли с меня 140 фунтов. У русскоговорящего египтянина напротив, я узнал, что билет действительно столько стоит, и что меня никто не обманул. Потом пришел истинный билетный хозяин места, на котором я сидел, и я отсел на другое. Впервые встретил толстого египетского подростка. Он ехал тоже в Асуан на похороны отца друга и был очень тепло одет. Он был закутан в необъятный шарф, на нем была куртка-пуховик и шерстяная шапка с помпоном. Я смотрю на него и удивленно спрашиваю:

– А в Асуане холодно, что ли? Ниже нуля? Это же юг, там тепло!

– Ну, тебе-то, может и тепло. Мне так в самый раз, – отвечает толстый подросток, напомнив мне про мою национальную «морозоупорность».

Я не предполагал, что сегодня смогу достигнуть Асуана (поезд прибывал около 22-00), поэтому вопрос с ночлегом опять решал в последнюю очередь. Через приложение

«Couchsurfing» мне посчастливилось найти ночлег у человека по имени Taher Mansour.

На вокзале по прибытию меня поймал асуанский привокзальный таксист, я дал ему поговорить с Taher`ом, чтобы тот объяснил, куда меня везти. Он провез меня примерно 1 км до квартиры Taher`а. Я дал таксисту полтинник, так как устал, и еще устал торговаться за абсолютно все, что приходится тут покупать.

На квартире у Taher`а уже было несколько человек: один местный асуанец, два португальца, пара из Венгрии (М+Ж), один голландец. Я пошел сразу ва-банк в презентации себя: сыграл на банджо, угостил всех пуэром (бережно привезенным из московской китайской чайной лавки), рассказал про все ментовские приключения. Ребята были хорошие, веселенькие, со своими эпичными историями. Мы проболтали где-то до полуночи, а потом попадали спать кто где.

25 января.

Проснулся раньше всех и потихоньку лежал, полуспя, пока все не ожили. Жилище, где меня приютили, состояло из двух больших комнат, переходящих одна в другую, и ванной-туалетной комнаты.

В двух минутах ходьбы от дома Taher`а была палатка с фалафельными сэндвичами по 10 фунтов. Взял две штуки, они были просто прекрасны – фейерверки овощных и бобовых оттенков, метавшиеся во рту, вгоняли в некий гастрономи-

ческий транс: я словно пробовал на вкус запыленные улицы Египта, их пронизывающие насквозь суету и шум, заковыристые слова арабского языка, начищенные до блеска сандалии, в которых ходило большинство населения, немытые руки... Позже Taher, к моему разочарованию, открыл мне, что местные местным эти сэндвичи продают всего за 2,5 фунта.

Сам Taher был очень коричневым и худым 21-летним подростком, только что закончившим компьютерный колледж с военным уклоном. За два года его практики «Couchsurfing`а» он принял около ста путешественников у себя дома. Но русского путешественника он принимал первый раз (меня то есть). Сам Taher попутешествовать еще не успел, и не еще скоро успеет – ему предстояло два года службы в вооруженных силах Египта.

Взял в ближайшем магазинчике несколько пачек печенья на всех гостей Taher`а, но угощался в основном веселый рыжий голландец. Выяснил про ситуацию с паромом в Вади-Халфу. Паром отходит раз в неделю по воскресеньям. Мне повезло – завтра 26 января, а это воскресенье. И суданская виза как раз начинает действовать с 26 января. Одни идеальные совпадения, учитывая, что маршрут я планировал от балды и по ходу развития событий постоянно импровизировал с ним.

Друг Taher`а скинул мне локацию билетной кассы на паром в Судан по «WhatsApp». В приложении «Maps.me» билетная касса отмечена, как «Sudan ferry office». Мне сказа-

ли, что касса работает допоздна, можно сразу с утра рано не бежать.

Рыжий голландец сегодня отбывал в Луксор. У него было три часа на ничегонеделание. Пошли с ним гулять по бедным кварталам Асуана. Там было грязно, замусорено, грустно и кастрированные ослы. Я ходил и думал, каково провести все детство в этих страшных трущобах. Ничего удивительного, что многие здешние дети, вырастая тут, потом посвящают всю свою жизнь практике издевательств над состоятельными и чванливыми бледнолицыми туристами.

Заглянули в охраняемую военными ортодоксальную церковь. Внутри было умиротворенно, просторно, очень красиво. Но иконы были больше похожи на библейские карикатуры, чем на иконы. Не было в них этой, свойственной им, «одухотворенности». И при церкви был даже сувенирный киоск со всякими разноплановыми Иисусиками и распятиями! Не являясь поклонником единобожия как такового, все равно не могу не заметить, насколько в благоприятных местах, как правило, ставят приличные церкви. Ты заходишь и постепенно начинаешь замечать, как тебе хорошеет, даже если ты просто бродишь и с разинутым ртом разглядываешь скамейки.

Мы шли вдоль набережной с голландцем, и вдвоем с трудом держали оборону от приставучих продавцов, зазывал, просто местных придурков. Нам, не стесняясь, пытались прямо на улице продать гашиш! Настоящий челлендж – на

улицах Египта быть в течение пяти минут со всеми вежливым. Вообще в Асуане с туристическими делами творилось что-то жуткое: предложение и спрос были очень сильно дисбалансированы. Спроса на всякие лодки, экскурсии и сувениры было раз в двадцать меньше, чем этого всего готовы были предложить. Если не в тридцать. Голландец здесь успел побывать уже почти везде, а мне не хотелось вообще никуда.

Билет второго класса на паром стоил 325 фунтов. Обед включен. В кассе мне сказали, что я должен прийти в порт к 9-00 утра, и нарисовали мне в тетрадке, на каких автобусах и до каких остановок я должен ехать. Нарисовали по-арабски. Специально, чтобы я не понял, но местные люди поняли и подсказали. Единственное, что я сообразил из их маршрутных каракуль, что первый нужный автобус останавливается за железнодорожным вокзалом (Sudan bus ticket stop на «Maps.me»), и моя первая нужная остановка называется «Sel».

На радостях от покупки билета на паром я купил на всех гостей Тагер`а еще печенья и бананов. Реальная цена на 1 кг бананов тут – 5 фунтов. Но иностранцам ниже 10-ти фунтов нигде не продают. Даже, если непосредственно на ценнике указано, что 1 кг бананов – 5 фунтов, они все равно продают иностранцами дороже. Ну, что с ними поделать?

Встретил у одной из пиццерий болгарскую парочку (М + Ж) – гостей Тагер`а. Они сидели на бордюре и ловили бесплатный пиццерийный Wi-Fi, к неудовольствию работников

пиццерии. Болгарская парочка весь день гуляла по дамбе, и им это не особо и понравилось. Тамошние менты не давали им сесть на травку и погрузиться в созерцание величия этой промышленной махины человеческой мысли. Они настаивали на том, чтобы они разглядывали дамбу стоя и долго на одном месте не задерживались.

Только-только веселый рыжий голландец успел отбыть в Луксор, в дом Taher'a уже прибыл новый гость. На этот раз из Аргентины. Мальчиковых героев аргентинского сериала «Мятежный дух», который шел по «Ren-TV» в 2004-2005 гг., наш аргентинец напоминал очень отдаленно. Хотя он и был для своих 35-ти лет довольно смазливый, в нем, все же, была щепотка брутальности и низко концентрированной быдловатости.

Он немного говорил по-русски, потому что в Москве у него была девушка, с которой он виделся несколько месяцев в году. Его девушка не говорила ни по-английски, ни по-испански, и учить иностранные языки не хотела. Поэтому аргентинский парень, пройдя через все круги лингвистического ада, кое-как выучил русский язык, чтобы он хоть мог поговорить со своей девушкой по-человечески. Как они общались до этого, я так и не понял. Он рассказал, что работает в школе учителем английского, любит водить детей на футбол. Не без гордости заявил, что Аргентина – очень футбольная страна.

Он рассказал, что его отец – профессиональный пианист,

сейчас ездит по миру с концертами. Сам аргентинец тоже играл на пианино в течение пятнадцати лет, но играть не любил. А отец все равно его заставлял заниматься. Рассказывал про гейские и феминистские движения в Аргентине. Говорит, что геи там позиционируют себя, как очень важные пидоры, и ничего поперек им сказать нельзя. Будут юридические проблемы. А женщины, говорит, – это просто кошмар! Они могут оставить тебя без имущества, даже если вы не расписывались в ЗАГСе, а просто в результате прекращения отношений. Говорит, что много его друзей оказалось на улице, лишь только потому, что однажды немного не туда пристроили своего дружка.

Аргентинец рассказал, как пьяный упал с водопада и обвалившийся камень, за который он пытался уцепиться, раздробил себе палец в мясо. Продемонстрировал свой почти плоский средний палец. У него было много историй! Он был в большом круизе по Амазонке и говорит, что пока ты на туристическом маршруте – всё прекрасно. Но стоит сделать шаг в сторону – дикие звери, наркоторговцы, насекомые, аборигены – и всё сразу становится под вопросом, в особенности твоя жизнь.

Taher объяснил культурные различия северной части Египта и южной. Север уже почти полностью перенял «европейский» или «западный» стиль жизни и мышления. В погоне за зарабатыванием и потреблением, люди забывают про своих близких, могут не видеться с сестрами и братьями го-

дами. А на юге традиционные семейные ценности еще играют значимую роль в жизни молодых египтян.

Вечером мы (я, Taher и все его гости) пошли в одно из чайно-кальянных уличных кафе, после того, как я им немного попел и поиграл. Гости Taher`а всю дорогу не могли напеться вдоволь: «*Oneday! Oneday! Onedaaaaaay*»! В кафе к нам присоединились, только что прискакавшие с Абу-Симбела, два вчерашние португальца и один новый бразильский приятель Taher`а. Я как раз вспомнил вслух, как один мой знакомый бразилец в Москве рассказывал, что его подстрелили в Камеруне, и заодно рассказал египетскому бразильцу, что собираюсь в Камеруне искать шаманов Бвити. Бразилец рассказал, что у них в Бразилии есть аналогичная церемонии инициации Бвити – церемония Аяуска. Работает все по тому же принципу: через глубинные страхи и переживания, вызванные психоактивными веществами и какой-то церемониальной составляющей, человек выходит на контакт с духами. Бразилец рассказал, что он проходил церемонию Аяуски с примесью католицизма и, говорит, он просто пережил персональный ад.

К нашему разговору подключился один из португальцев, тот который был с бородой. Он рассказал, что когда проезжал Габон на велосипеде, в одной из деревень его пригласили на церемонию инициации Бвити. Про расположение деревни, где местные рады делиться своей культурой он сообщил следующее: из Ластурвиля двигаться в сторону столи-

цы Габона по трассе N3, и в деревне Айем (Ayem) как раз можно найти Бвити. Говорит, что он долгое время жил без веры в Бога, но никак не мог смириться с тем, что он в итоге умрет. И церемония инициации Бвити помогла ему смириться с идеей неизбежности смерти, не смотря на то, что это были самые худшие сутки в его жизни.

Этот бородатый португалец проехал на велосипеде всю западную Африку от ЮАР до Марокко. Написал про это книгу. После этого путешествия он понял, что велосипед лучше, чем автостоп. Путь приобретает совершенно новые оттенки. Очень заряжает ощущение, что сам, собственными физическими силами доставил себя, куда хотел. Больше свободы, все медленней, и ты полностью в настоящем моменте.

Мы всей компанией посетили египетскую свадьбу. К моему удивлению ни напитков, ни еды на столах не было. Но люди все были нарядные, многие танцевали, работали несколько видео-операторов и фотографов. Мне объяснили, что празднование египетской свадьбы может длиться до десяти дней, но едят и пьют они, может, первые два-три дня. Все остальные дни они просто общаются, танцуют и фотографируются. Так происходит, потому что людям очень часто нечем себя тут развлекать. А такое масштабное событие, как свадьба – ничего себе развлечение!

Все гости Taher'a переехали на его запасную штаб-квартиру, курить гашиш и стирать портки. Я же остался один, где и был, на основной «Couchsurfing-хате», так как до зав-

трашних автобусов было добираться оттуда удобнее. Поставил будильник, оставил ребятам запасы из бананов и печенья. Завтра в Судан!

26 января.

Чуть раньше будильника меня разбудил понос. Плохая идея – даже для чая использовать водопроводную египетскую воду. Вышел примерно в 7-45, в 8-00 уже был около автобусной остановки. Отбивался от таксистов. Сначала была идея не морочиться с автобусами и доехать на такси, но они хотели аж 200 фунтов за 15 км! У меня все-таки получилось впрыгнуть в нужный мне автобус. А потом выпрыгнуть из него и впрыгнуть в следующий нужный. А потом выпрыгнуть из второго и впрыгнуть в третий нужный. Маршрутная записка от продавцов билетов на пароход и доброжелательные местные жители стали причиной того, что к 9-00 я уже был в порту. Последние 3 км я ехал в трехколесном мото-такси за 20 фунтов. Тут таких много.

При входе в порт меня сразу встретил носильщик вещей и попытался отнять мой рюкзак, донести типа. Потом меня поймал меняла денег. У меня оставалось около 750 египетских фунтов, обменял сразу 500 египетских на суданские фунты. Получилось 2500 суданских фунтов. Они были выданы 50-ти фунтовыми бумажками. По степени оттянутости кармана штанов, появилось ощущение, что у меня реально много суданских денег.

Даже уже в 9-00 утра при входе на пароходную станцию была небольшая очередь. В очереди познакомился сразу с тремя иностранными путешественниками: индонезиец-велосипедист, которого спонсировала компания лапши быстрого приготовления, француз без велосипеда и палатки, но зато с двумя рюкзаками, и итальянец-велосипедист с козлиной бородкой. Позже, на паспорт-контроле к нашей иностранной компании присоединился еще и велосипедист-каталонец, который не считал Каталонию частью Испании. Самое интересное, что все четверо друг друга не знали, но ехали по одинаковому маршруту – все ехали в Эфиопию через Судан.

На «выходе» из Египта надо было заплатить 50 фунтов, а потом еще и купить форму для заполнения на паспорт-контроле за 15 фунтов. Нас пустили внутрь таможенного здания только в начале одиннадцатого. Зачем продавцы билетов на паром мне сказали приезжать ровно в 9-00 утра, я не знаю. Местный вафельно-сигаретный барыга на паспорт-контроле предлагал мне вафли и сигареты. Купил целую коробку вафель за 20 фунтов. Раздам голодным неграм.

Мы гуляли по посудине несколько часов, пока она не соизволила, наконец, тронуться. Мы покинули Асуан только около 16-00. К этому моменту у меня уже три раза был понос, у меня почти закончилась туалетная бумага, я раздал все вафли, излазил весь корабль, перезнакомился с кучей всяких суданцев.

Двоих обнаруженных мной поставщиков суданской жвачки в Асуан я мысленно и вслух прозвал «gum-dealers». Английский язык этих веселых суданцев был очень сложен для понимания на слух, но, тем не менее, мы подружились, и они даже пригласили меня через две недели вместе с ними в Южный Кордофан в Кадугли на Нубийскую гору. Как я понял, там происходило что-то массово-торговое с песнями и плясками по пятницам. «Gum-dealer» по имени Тото оставил мне свой телефон.

Встретил на палубе пожилую немку, которая 25 лет работала медсестрой в Судане. Сейчас она направлялась в деревню Абри, чтобы повидать старых друзей. Она мощно говорила по-арабски, чем очень удивляла всех темнокожих пассажиров парохода. Когда я спросил про суданское гостеприимство, она строго-настрого запретила мне этим пользоваться часто, потому что суданцы бедные и, приняв гостя со всеми суданскими почестями, сами потом могут голодать по несколько дней.

Пароходный обед был клевый: рис, месиво из мяса и овощей, великолепный египетский хлеб. Так же на пароходе можно было купить чай, кофе, печенье, шоколадки. Но в полной мере гастрономически насладиться и оттянуться я не мог – болел живот. Я часто пил активированный уголь и запивал разведенной в воде марганцовкой. Должно сработать.

Билет 2-го класса, который у меня был, подразумевал, что я сижу на скамейке в одном из помещений на нижней палу-

бе. Были и билеты с каютами – ничего такие каюты, с кроватями, миленькие. Но народу на пароходе было мало, поэтому я мог занять целую мягкую скамейку на нижней палубе и спать. Часть велосипедистов спали уже на верхней палубе под звездами. Я сначала тоже хотел так, но мотор был такой шумный и вонючий, что я решил остаться на тихой, прокуренной и проперженной нижней палубе. Меня окружили любопытные молодые суданцы, я спел им пару песенок, сыграл пару импровизаций. Молодые суданцы показали мне с телефонов свои заснятые видео традиционных танцев с мечом и щитом, скачек на верблюдах, охоты собак на кроликов. Танцы с мечом? Ммм! Дайте два, я вам спляшу!

Я лежал на верхней палубе и просто смотрел в небо. Было много звезд. Мы плыли по Нилу на юг, в Судан. Мы плыли навстречу приключениям, открытиям и окончательной самоидентификации. Я почувствовал, насколько я маленький и незначительный: маленькое туловище на большом корабле, который плывет по большой реке, которая течет в больших странах, которые располагаются на большом африканском континенте. Африка! Прими меня и измени! Изобрази на своих песках недостающие картинки для пазла моего мироощущения. Пусть твое беспощадное солнце выжжет все остатки моих застарелых сомнений. Позволь прикоснуться к твоим анимистическим тайнам и фауне, так часто мелькавшей с голубых экранов. Африка! Как долго я готовился к нашей с тобой встрече!

27 января.

Прямо посреди Нила по громкоговорителю вызвали всех пассажиров ставить штампы о «вплывтии» в воды Судана. Дали заполнять миграционные карточки. Позже к нам подплыли даже доктора в супер-защитных костюмах и проверяли нас сканерами на какой-то новый смертельный вирус, от которого в Китае уже погибло много народу.

Каталонец-велосипедист говорит, что примерно в 5-30 мы проплывали Абу-Симбел. Он очень воодушевлен «вплывтием», как и индонезийский велосипедист, испанский велосипедист и француз с двумя рюкзаками. Беспреданно делится со мной чипсами.

Индонезийский велосипедист предлагает покурить сомнительные индонезийские самокрутки, и очень переживает за восьмерку на заднем колесе. Снимает кусок своего велосипедного видеоблога с участием меня. Что-то говорю его зрителям, импровизирую на банджо.

Испанский велосипедист с козлиной бородкой, разлохмаченной уже суданскими ветрами, травит байки, облокотившись на фальшборт. Сам он был из Барселоны и жил там большую часть своей жизни. Но потом женился, у него появилась дочь, и они решили съехать в более здоровую обстановку, километров за сто от города. Рассказал, как путешествовал по Центральной Америке и устроил попойку немного не с теми людьми. Поле третьей бутылки водки они его

избили и ограбили полностью, то есть в отель он возвращался в одних трусах. Говорит, история хреновая, конечно, но множество других пьянок во время путешествий по разным странам у него заканчивались хорошо.

Француз, самый загадочный из всех, бородатый и меланхолический, был уроженцем Парижа. Зачем он ехал в Эфиопию, я так и не понял. Может быть к Тэфэри Мэконнину? Немного потренировал свой хилый французский на нем. Похвалил французскую рэгги-группу «Dub Inc», француз очень удивился. Он, оказывается, был ее фанатом.

«Жвачко-дилер» по имени Тото рассказал, что в Судане престижность, вид и местоположение твоей работы напрямую зависит от того, к какой нации ты принадлежишь. Правда, он использовал слово «*tribe*» – племя, что на русском языке будет неизбежно ассоциироваться с первобытными лесными людьми. Но суть в том, что он, человек с четырьмя языковыми дипломами, не может найти работу преподавателя или переводчика в столице только потому, что тупо «родился немного не там». Такой вот откровенный внутренний суданский расизм.

Вчера я провел предварительную разведку суданской обстановки среди англоговорящих суданцев, находившихся на корабле. Говорят, что такой херни, как в Египте, в Судане нет: и для местных и для иностранцев на все фиксированные цены. Не надо торговаться за каждую булочку или фрукт. «*Nobodywantstocheatyouhere*», – говорит мне суданец

по имени Мо. Он оказался суданцем с американским гражданством, работником «United Airlines», направлялся в Хар-тум. Оставил свой телефон на всякий случай. Рассказал по самым основным ценам: 20 фунтов за 1 кг бананов, около 500 фунтов за среднюю гостиницу. С его помощью, вместе с остальными белыми иностранцами, мы ускоренно прошли последнюю инстанцию для входа в Вади-Халфу после того, как сошли на берег.

Как только мои ноги ступили на суданскую землю, я сразу начал кричать:

– *Хауиль фулюс! Маср фулюс!* – я хотел обменять оставшиеся 100 египетских фунтов.

Позже обменять, уже будет, возможно, нигде.

Пять минут криков – и мне обменяли мои 100 египетских фунтов на 550 суданских. Опять 50-ти фунтовыми бумажками.

После таможни нас, белых путешественников, встретила толпа рыночных менял денег. На тот момент по банковскому курсу 1\$ стоил 45 суданских фунтов. Но рыночные менялы меняли 1\$ на 90 суданских фунтов. Испанец с козлиной бородкой пытался уговорить их на 92. Я не стал терять время, дал меняле 100 долларов, он отсчитал мне 9000 суданских фунтов. Девять тысяч 50-ти фунтовыми бумажками! Эта пачка денег толщиной в несколько сантиметров не влезала ни в какой карман штанов.

Попрощался со своими белыми иностранными пароход-

ными попутчиками, пошел пешком от порта по асфальтовой дороге в сторону Вади-Халфы, не подозревая, что город находится километрах в четырех. Минут через пять рядом остановился джип, полный пассажиров с парохода. Среди них оказался один знакомый англоязычный суданец. Говорит, что тоже собирается найти гостиницу, чтоб остановиться, а водитель может помочь с поиском. Я закинул рюкзак в багажник и подсел к ним.

Мы попробовали две гостиницы, обе были забиты людьми по полной. Потом меня высадили в центре центрального рынка, сказав, что здесь полно недорогих гостиниц, чего-нибудь – да найду. Водитель попросил 50 фунтов за эти непродолжительные покатушки. Я остался посреди Вади-Халфы с рюкзаком, банджо, окруженный любопытными взглядами местных людей. С их помощью, я нашел-таки свободную гостиницу за 480 фунтов. Странную, правда. Мне дали на одного комнату с четырьмя кроватями. Электричество было. Душ был отдельно и был холодный. Туалет был дыркой в полу. Комнаты переходили одна в другую, даже в коридоре стояли кровати. И даже на крыше! Ну, что сказать, цивилизация добралась сюда частично.

У меня был очень продуманный план: зарядить телефон, принять душ, потом пойти купить интернет, туалетной бумаги и чего-нибудь пожрать.

Этот продуманный план у меня получилось выполнить вполне успешно. Здешний интернет назывался «Zain» и 10

Гб на месяц стоили 225 фунтов. На выходе из офиса «Zain» мне встретила пожилая немка с парохода. Сказала, что ей удалось заселиться в гостиницу за 600 фунтов. Туалетную бумагу я нашел за 50 фунтов, здоровенный рулон. Искал долго, это не самый популярный товар тут. В мусульманских странах люди виртуозно умеют подтираться простой водой. В первой попавшейся жральне меня накормили омлетом с бобами за 50 фунтов. Бананы на рынке везде стоили 50 фунтов за килограмм. Они были такие же маленькие, как в Египте (около 15 см).

Делать особо было нечего, и я просто гулял, рассматривал людей, иногда говорил с ними, пытался выяснить, что из себя представлял город Вади-Халфа. По словам моего московского приятеля, Вади-Халфа была похожа на Татун из «Звездных Войн»: пески, инопланетные человекообразные, невзрачные домики-полупалатки, полупалатки-полушатры и, конечно же, толпы имперских штурмовиков.

Вади-Халфа состояла из довольно большого рынка, вокруг которого были сосредоточены все гостиницы, транспорт и жральни. Остальная часть города – деревня из одноэтажных домиков, мастерские, школы.

Где-то в деревенских закоулках я случайно нашел себе суданских детей, которые очень от меня чего-то хотели. Они были рады продемонстрировать мне весь свой скромный английский. Были очень дружелюбными и вежливыми. Я же, в свою очередь, продемонстрировал лучшее из своего араб-

ского – написал слова «Россия» и «банан» на арабском языке на песке пальцем. В обоих словах допустил по ошибке. Но умные дети меня исправили. Зашел в ближайший деревенский ларек, купил десять леденцов на палочке по 5 фунтов каждый. Вернулся к детям, раздал сразу все.

После поворота по главной дороге на юг выяснилось, что ничего кроме деревни и деревенских детей я тут больше не найду. Солнце уже потихоньку клонилось к закату. Я поздоровался с ребятами из кроватной мастерской. Они меня пригласили на чаек. Их было двое, и один немного понимал по-английски, но все равно историю своего возникновения здесь мне пришлось писать им в «Google-переводчике». Мастера кроватных дел сделали очень-очень сладкий чай и рассказали о постельном режиме своего кроватного бизнеса.

Работают они буквально от рассвета и до заката. В день они делают примерно 3-4 кровати ценой от 1000 фунтов до 2000 фунтов за штуку. На производство одной кровати уходит примерно три часа. Они очень посочувствовали, что я заселился в отель за 480 фунтов, говорят, что у них тут полно кроватей, мог бы спать на одной из них бесплатно.

Мастера кроватных дел посадили меня в трехколесное мото-такси с крышей, попросив водителя довезти меня за 10 фунтов до рынка. До рынка было около 6 км. И за 10 фунтов меня провезли только полпути, а потом мото-такси свернуло по дороге на восток. Мне попалась палатка с шаурмой за 40 фунтов. Эта шаурма представляла собой полумясной фала-

фель с картошечкой и соусом, завернутый в лаваш. Великолепный пример суданского фаст-фуда!

Притомившийся первым днем в Судане, я уж думал идти баиньки, но эта удивительная шаурма вернула мне силы. Да, и гулять по вечерней Вади-Халфе, оказалось огромным удовольствием.

Я постоял в местной гашишной кальянной. Они смотрели три телевизора с тремя разными передачами одновременно. Я подумал, что ничего тут удивительного, на то она и гашишная. И в срочном порядке покинул это заведение.

У одной уличной жральни было просто столпотворение. Мне стало интересно, что же там такого вкусного и тоже взял себе порцию. Это оказался самый настоящий суданский фуль с парой лепешек за 40 фунтов! Не успел я выбрать столик, куда присесть, как группа молодых ребят пригласила меня сесть и поесть вместе с ними. Поделились и хлебом и своим фулем из общего корыта. Вот какие они – суданцы!

Проходил мимо торговой палатки с чемоданами, поздоровался с продавцами – сразу усадили поговорить и поесть. Есть я уже не мог, поэтому просто что-то говорил. Один из продавцов чемоданов очень доступно объяснил мне общую обстановку в Судане:

– *Peoplearegood! Butrepublic...* – и он фыркнул, как конь, разведя руки в стороны.

Он же показывал мне фотографии с революционных событий в Хартуме, происходивших год назад. Говорит, что

там был и все видел.

– Стреляли? – спрашиваю я.

– Стреляли, – грустно отвечает продавец чемоданов.

Так же на рынке я нашел продавца прикольных кинжалов самопального производства. Стоили они от 500 фунтов до 2000 в зависимости от размера и украшений ножен. Я хотел было взять себе один взамен утраченного в Египте ножа, но хрен знает. В России эти кинжалы попадают по всем признакам под холодное оружие (длина клинка, толщина, наличие гарды, обоюдоострый клинок). Вещь, конечно, полезная. Но если я и возьму кинжал, то все равно его вскоре утрачу, например, на пересечении границы при обыске.

Я взял в магазинчике восточных сладостей разных липких и вкусных восточных сладостей. В гостинице угощал ими соседей. Один из них зашел ко мне зарядить телефон. Пока его телефон заряжался, он пытался тренировать на мне свой английский. Я, в свою очередь, тренировал на нем свой арабский. Сосед беспощадно гонял меня по всем цифрам, пока у меня мозги не затекли. Но это было необходимо. Пока на слух очень плохо понимал цены и вообще все. Мы вместе с соседом вспомнили по-английски название всех частей человеческого тела и разошлись по койкам.

28 января.

К повороту на дорогу до Абри я шел где-то около часа. Было жарковато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.